

НАШИ • ТАМ

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН
МАЛЬЧИК
ИЗ БУДУЩЕГО

Наши там (Центрполиграф)

Владимир Поселягин

Мальчик из будущего

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Поселягин В. Г.

Мальчик из будущего / В. Г. Поселягин — «Центрполиграф»,
2016 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-07065-4

Мог ли предполагать мальчик из самого обычного московского детдома перенестись из России 2016 года в Советский Союз 1969 года? Причина: поскользнулся, упал, очнулся... Следствие: сотрясение, гипс... Ой, нет... удивление и прошлое вокруг. И, между прочим, знание всей последующей жизни государства...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-07065-4

© Поселягин В. Г., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Владимир Геннадиевич Поселягин

Мальчик из будущего

© Поселягин В.Г., 2016

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2016

© «Центрполиграф», 2016

Пролог

– Мальчик, передай на билет, – услышал я за спиной грубый прокуренный женский голос.

Обернувшись, я молча взял протянутую банкноту в пятьдесят рублей и, привстав на цыпочки, дотянувшись до кондуктора, пришлось протискивать руку между двумя слипшимися телами. Получив сдачу и билетик, я протянул всё это женщине, которая стала всё тщательно подсчитывать.

Смысла в этом я особо не видел: пока я одной рукой передавал плату на проезд, другой давно вытащил из её кошелька сто рублей. Мог и больше, однако не стоит, бедная она. А деньги взял потому, что эта женщина уже три минуты тычет мне мокрой рыбьей головой в поясницу, испачкав футболку, да и мокро теперь там и пахнет. Неприятно. Так что будет компенсацией.

Так-то в троллейбусах я не работаю, да и вообще на маршрутном транспорте стараюсь не мелькать, а то и вломить могут, что на чужой точке орудую и не башляю. Моя стихия – рынки или другие толкучки. Причём вот уже пять лет работаю один, скрывая свой способ заработка. Сам я детдомовский, нужно же как-то существовать, тем более интересов у меня множество, а возможностей нет. На рынке около нашего детдома я не тусуюсь, там две команды работают. Мало ли, увидят. И так, когда попал в детдом, столько предложений получил влиться в команды... Но я всегда был одиночкой, так и продолжал жить. Зубрила – так меня обзывали в детдоме. Это одно из самых ласковых прозвищ. Наш вундеркинд – так называли преподаватели и воспитатели. Я у них гордость, на все олимпиады и соревнования езжу. Вот такой я незамеченный человечек. На математическую олимпиаду кого пошлём? Конечно, Ларина. Соревнования по боксу среди юниоров? Естественно, Макса Ларина, у него же первый разряд. В физике, химии, литературе или истории? Я везде впереди.

Правда, среди детдомовцев уважением я всё же пользуюсь. Дерусь очень хорошо, но не это главное. Наверное, не только в детдоме, но и во всей Москве нет более шкодливого ребёнка, чем я. При айкью в сто пятьдесят единиц, тринадцатилетнем возрасте и ничем не примечательной внешности, разве что я рыжий, я был самым хулиганистым из нашего детдома. Мои проделки начали обсуждать с семи лет, как у меня погибла мама, и я оказался в детдоме. Кто мой отец, я не знаю до сих пор, в свидетельстве о рождении был прочерк.

Что-то я отвлёкся. О себе я могу рассказывать долго, и поверьте, вам будет и весело и грустно. Сейчас же я возвращался с самого крупного рынка на окраине Москвы, сегодня хорошо подогрел одного растяпу на «лексусе»: в кармане пятнадцать штук деревянных плюс триста евро. Теперь я смогу на неделю вперёд оплатить услуги Жаклин. По уму я давно перерос своих сверстников, но, как оказалось, и тело торопилось повзрослеть. Особо в смущении или неуверенности я замечен не был, так что решил сам поискать партнёршу. Этот вид взаимоотношений мужчины и женщины интересовал меня с одиннадцати лет, так что я перелопатил горы литературы, как в библиотеках, так и в Интернете, так что многое знал. После прочтения книги по акушерству, могу сказать, что роды я теперь приму без проблем, память идеальная. Каждую букву на страницах помню, или тот же рисунок. Ну а когда настало время, это случилось полгода назад, сразу решил окунуться в новые ощущения.

Партнёрша мне повстречалась в тот же день. Она была проституткой, но элитной, работающей на квартире, клиенты сами приезжали к ней. Я набрал гору рекламы на эту тему, позвонил по первому же номеру и наткнулся на Жаклин, или Женю, как значилось по паспорту. Та с малолеткой поначалу не хотела иметь дела, но из любопытства назначила встречу. Там уж я не оплошал. С тех пор я пропал. Всё, что не «заработаю», несу ей, потому что меня реально подсадили на крючок. Я не наркоман, хотя и знаю, что это такое, есть у нас, кто колется в детдоме, но, похоже, у меня обошлось и без уколов. Девчата в детдоме сказали, что, похоже, я влюбился. Отрицать не буду, хотя и пытался по привычке проанализировать, что такое любовь. После долгих анализов вывод был один – это просто болезнь, и её надо лечить.

Лечиться я пока не хотел, меня всё устраивало. В детдоме я вёл себя как прежде, ездил на соревнования, если такие случались, старался не привлекать к себе внимание. Забросил шкоды, это-то и привлекло ко мне больше всего внимания. На шкоды у меня просто времени не хватало.

Покинув переполненный салон автобуса, проверив, на месте ли сегодняшняя выручка, я вприпрыжку побежал к Жаклин. У неё сегодня никого, я уже звонил, уточнял, так что сегодня она моя. Так-то этим не совсем законным заработком я занялся с девяти лет. Намучившись от безденежья, решил начать именно с работы щипача. Как и всё до этого, несмотря на то что меня никто не учил, у меня всё получалось идеально, ни разу не был схвачен за руку. Ещё бы, я предварительно три месяца изучал работу таких щипачей, составлял графики, рисовал схемы, тренировался на манекенах, пока впервые не вышел в поле. В общем, стал вполне неплохим щипачом за эти четыре с половиной года. Теперь я мог использовать Интернет, у меня был ноутбук, который тщательно оберегал, заказывал разные реактивы, которых не было в школьной химлаборатории. В общем, тратил деньги на своё развитие и на мелкие радости. На одежду не тратил, я особо притязательным не был, а в детдоме нас кормили и одевали. Даже один раз помог нашей воспитательнице, втайне ото всех сунул ей пятьдесят тысяч рублей в сумочку. Мои накопления за полгода. У неё муж умер, у нас плотником работал. Хороший мужик. Деньги передал тайно, не афишировал, хотя Надежда Игоревна и пыталась вернуть деньги, но не нашла кому. По-моему, я единственный в нашей группе кто не кричал, что деньги мои. Та что-то стала подозревать, задумчиво на меня поглядывала. Однако поминки справила хорошо, это главное. Я не особо жадный был, хотя хапать под себя любил, но это общая черта всех детдомовских. Все мы тут жуткие собственники.

Поднявшись на лифте на нужный этаж, я скользнул в открывшуюся после звонка дверь и был послан моей нимфой в душ. Быстро раздевшись, нырнул в ванную комнату, где встал под плотные струи горячей воды. Видимо, от шума воды я пропустил дверной звонок, потому что, выключив воду и растираясь, вздрогнул, когда вдруг дверь распахнулась, я её не запер, и ко мне ворвался здоровый бык в кожаной куртке. Тот, наверное, ожидал увидеть здесь взрослого мужика, а обнаружил лишь испуганно сжавшегося от неожиданности мальчишку. Правда, отреагировал он сразу. Ухватил меня за загривок и вышвырнул наружу, пинком придав ускорение в сторону зала. Кувыркнувшись через голову, я быстро обмотал торс полотенцем и отполз к Жаклин, которая, всхлипывая, лежала в своём полупрозрачном пеньюаре у дивана, вытирая разбитые, окровавленные губы.

– Ещё раз спрашиваю, – хмуро сказал холёный мужчина в дорогом костюме, сидевший на стуле, два его быка закончив осмотр квартиры, встали рядом. – Где флешка? Она пропала сегодня днём после моего посещения твоей квартиры.

– Не знаю я ни о какой флешке, – простонала Жаклин.

– Она не хочет говорить, – повернулся неизвестный мужчина к одному из быков.

– Вам же русским языком сказали, что не видела она никакой флешки, – вскочив и перегородив дорогу быку, сказал я, выставив руки ладонями вперёд.

Это не особо помогло, мало того что по голове прилетело, отчего долго стоял звон, так мне ещё по рёбрам прошлись, когда я упал. Кажется, одно хрустнуло. Когда я перестал трясти головой, то замер. Бык щупал пульс у Жаклин, а по её остановившемуся взгляду я понял, что она мертва. Перестарались.

– Суки-и! – Мой крик, наверное, слышало полдома.

Откуда взялись силы, уже не скажу. Схватив со столика длинную заколку Жаклин, я воткнул её в глаз холёному и отлетел от удара второго быка.

– Избавься от него! – взвизгнул холёный, похоже, заколка до мозга не дошла или промахнулась, но глаз я повредил точно.

Я ещё чувствовал, как меня подняли. Чувствовал, как по коже скользнул тюль, дуновение ветерка на балконе, а после свободный полёт. Семнадцатый этаж. Без шансов. Лишь одно огорчало: полотенце в комнате осталось, разобьюсь голышом. Я же умру от стыда. После этого наступила темнота.

* * *

– Смотри, веки дрогнули, сейчас глаза откроет, – услышал я совсем рядом звонкий мальчишеский голос.

Судя по пыхтению, детворы рядом немало. Где я? Купидоны? Не знаю, я как-то религией не интересовался, и из всех детей, кто входил в эту святую когорту, помнил только купидонов. Это такие перекормленные кудрявые розовые младенцы-нудисты, что с луком сеют радость. Хм, влюбляют вроде, но при чём тут я? С Жаклин у меня была чисто платоническая дружба. Она учительница – я прилежный ученик, любовью там и не пахло, что бы ни говорили девчата из детдома. На секс я подсел, есть такое, но любовь? Так откуда эти детишки и жив ли я? Вроде под окнами Жаклин газон был, это что, я не умер, разбился и теперь на всю жизнь останусь инвалидом? Не хочу, лучше смерть.

Я бы так долго лежал, слушая гомон, но вдруг услышал уже другой голос. Вполне взрослый, мужской, с лёгкой хрипотцой.

– А ну, пионеры, в сторону. Евгенийев, что произошло? – Не знаю, товарищ инструктор. Я на вышку поднялся, оттолкнулся, и когда сальто делал, этот парень мимо пролетел. Молча, мне кажется, он был без сознания, руками не махал. О воду почти плашмя ударился. Выше меня только одна площадка была, взрослая, но я, когда поднимался, там никого не видел. Этот спрятался, наверное. Я в воду следом вошёл, выплыл, а он лицом вниз, вероятно, от удара сознание потерял. Наша группа в воду попрыгала, и мы его вытащили. Почему-то голого. Наверное, как Сашка три дня назад в воду прыгал и от удара о воду трусы потерял. Женька с Сашкой искали, но трусы его не нашли. Он не дышал, я сделал искусственное дыхание, как вы учили. Вода из лёгких полилась, кашлял, но в сознание не приходил.

В это время я почувствовал, как меня ощупывают и приподнимают веко, отчего я рассмотрел широкоплечего загорелого мускулистого мужика со свистком на длинной бечёвке, болтающейся на шее. Ниже его не видел, весь он голый или нет. Пояснение неизвестного паренька, который, видимо, меня и спас, чуть-чуть прояснило обстановку. Почему-то я упал не на газон, а в бассейн или ещё куда. Не знаю, где эти вышки стоят. Я полгода греблей занимался, а не прыжками в воду. Дальше проанализировать не успел, разговор продолжился, и я наострил уши, стараясь не показывать, что пришёл в себя. А так я действительно плохо себя чувствовал, было тяжело дышать, живот, грудь и лицо буквально горели, похоже, ими я плашмя и ударился о воду. В общем, боль в теле намекала, как мне сейчас нехорошо, но это ничто по сравнению с тем, что я снова владел своим телом и, главное, чувствовал ноги и руки. Даже незаметно пошевелил ими.

– В неотложку позвонили?

– Анька убежала звонить к телефону-автомату.

То, что мы находимся под открытым небом, мне было известно, когда веко поднимали, за спиной инструктора я увидел голубое небо с барашками облачков. Чуть в стороне стояло что-то массивное и деревянное, но я видел это нечто не полностью. Наверное, пресловутая вышка.

– Это хорошо. Сейчас давайте его поднимем и перенесём на скамейку. Не стоит ему на краю причала лежать.

Я почувствовал, как меня приподняло несколько рук, с десятков точно, и после недолгого переноса положили на полукруглые валики скамейки. На причале мне удобнее было лежать, там доски прямые, а эти прямо в тело впились полосками.

– Ой, у него полотенце сползло, – услышал я, как неподалёку ойкнула девочка, и послышалось сразу несколько девичьих хихиканий.

Решив, что больше ничего узнать не удастся, инструктор послал одного из мальчишек за аптечкой, а я решил очнуться, показать, что в сознании. Да и, судя по ощущениям, кто-то вернул мне полотенце на место.

– Ой, смотрите, глаза открыл, – снова ойкнула та же девчонка.

Инструктор сразу же стал меня осматривать и задавать вопросы.

– Ты можешь говорить?

Я на миг замер с широко открытыми глазами, разглядывая плакат на вышке. До этого я его не видел. Там была нарисована молодая девица, прыгающая с вышки, и написан лозунг: «Всесоюзная спартакиада студенчества». Чуть ниже ещё один на эту же тему.

Читать о попаданцах я любил, любой из мальчишек, кто у нас знал эту тему, мечтал о переносе, я исключением не был. Неужели?..

– Так как? Ты меня понимаешь, можешь говорить?

Я перевёл взгляд на инструктора, задержавшись на его плавках, никогда не видел такого древнего фасона, и сказал немного глубоким, потусторонним голосом:

– Мир вам, земляне. Мы, жители Венеры, прибыли к вам на планету, неся предложение дружбы и сотрудничества. Наш звездолёт был сбит американцами, и пришлось прыгать. – Глядя на ошарашенные лица инструктора и мальчишек (девчат скрывала спинка скамейки), я не выдержал и заржал.

– М-да, удивил, – усмехнулся инструктор. – Ну раз с чувством юмора у тебя всё в порядке, значит, и разум не потерял. Это хорошо. Как на вышке оказался?

– На спор, – вздохнув, ответил я.

Пока я собирался свести общение до минимума, пусть медики приедут и заберут меня в больницу, там уж, накачавшись информации, можно спланировать, как жить дальше. Пока постараясь отвечать кратко, выдавая как можно меньше информации.

– Как тебя зовут?

– Максим. Макс Ларин.

– Где твои родители?

– Отца я не знал никогда, мама умерла в начале этого лета. Я решил, что детдом не для меня, и поехал путешествовать. Море хочу видеть, в Сочи ехал.

– Откуда ехал?

– Из Сибири, мы с мамой жили в небольшой деревне.

– Ехал в Сочи, а приехал в Москву?

– Хотел посмотреть, какая она, – снова вздохнул я. – Мне город понравился, две недели уже тут живу. С мальчишками познакомился, вроде хорошие парни, а столкнули. Я прыгать не хотел, высоко.

Инструктор посмотрел на конопатого парнишку, стоявшего рядом и облокотившегося руками о колени, но тот пожал плечами, выдуманных мной городских мальчишек он не видел.

– Плавки у тебя были?

– Труссы чёрные семейные были, – коротко ответил я.

Задать ещё какой-либо вопрос инструктор не успел, три девчонки, галдя, объясняя дорогу, привели врача. Это был мужчина в белом халате и с кожаным саквояжем, с бородкой, в круглых очках, на шее – старинный фонендоскоп. М-да, я действительно был в прошлом, глаза меня не обманывали, но всё равно мало информации, я даже не знаю, какой сейчас год.

Узнав, что произошло, с подробностями, огорчённо покачав головой, тот занялся мной, простукивал, проверял. Когда он щупал бок, я даже закричал от боли, но дальше всё прошло нормально.

– Что с ним? – с тревогой спросил инструктор.

– Похоже, ребро сломано. Вы когда его несли, он не стонал?

– Он без сознания был...

Пока инструктор и врач общались, я припомнил, что действительно, когда меня несли, была тянущая боль в боку. Но это место у меня не трогали, так что я как-то не обратил на него внимания. А врач именно на больное место нажал.

«Так-так-так, похоже, перенёсся я вместе с переломом, которым меня наградила тот бык с поломанными по-боксёрски ушами. Значит, и синяки должны выплыть как на теле, так и на лице. На лице точно есть, вон как врач его осматривал, да и бок в некоторых местах долго ощупывал и простукивал. Хм, интересная информация для размышления», – мысленно прикидывал я, но проанализировать новую информацию не успел, врач договорился о помощи на случай переноса. Меня забирали.

– Сам сможешь идти? – спросил врач.

– Пока не попробую, не скажу.

– Сейчас я тебе наложу тугую повязку на грудь, чтобы зафиксировать повреждённое ребро, потом и попробуем.

Пришлось, морщась, принять сидячее положение, приподняв руки дожидаться, когда мне туго прибинтуют грудь. Это действие несколько не мешало мне с интересом осмотреться, разглядывая парк, где мы находились. Было видно аккуратно подстриженные кусты. Везде чисто и прибрано, на каждом углу – урны. Высокие плакаты на тему спорта. Всё времён Советского Союза. Но какие-то наивные, что ли. Даже не определюсь сказать, какой сейчас год. По ним не определишь. Рядом плескалась вода озера, именно озера, а не бассейна. С одной стороны было огорожено, был пирс и вышка. С другой – песчаный берег. Я сидел на скамейке той территории, где готовились к прыжкам или плаванию спортсмены. Дальше – высокие трибуны для зрителей. Сейчас пустые. Кроме семи парнишек в плавках и инструктора было двенадцать девчат в закрытых однотипных купальниках и смешных шапочках, которые группкой стояли неподалёку. По тропинкам прогуливались отдыхающие, но к нам они не сворачивали.

Инструктор, пока меня перевязывали и я осматривался, с вопросами не отставал, пришлось отвечать. На первый вопрос, где моя одежда, я ответил, что на верхней площадке вышки. Двое мальчишек наперегонки сломя голову побежали к ней. Быстро вернувшись, отрицательно покачали головой, одежды, естественно, найдено не было. Когда с перевязкой было закончено, один из мальчишек принёс мне шорты, похоже, свои.

– Бери, у меня в сумке другие есть, запасные, – требовательно сунул их он, когда я попытался отнекиваться.

Врач помог мне их надеть, а то мне неудобно было. Шорты были слегка тесноваты, всё же их хозяин был младше меня на пару лет, но налезли. Они были немного стрёмные, тёмно-синие с одним карманом спереди. Страшноватые. Но дарёному коню, как говорится, в зубы не смотрят.

Попытавшись встать, я тут же плюхнулся обратно, застонав от боли в боку. Врач подхватить меня не успел.

– Ну как же ты так, голубчик? – возмутился тот. – Голова кружится?

– Да, сразу в бок повело. Похоже, сотрясение.

Всё же нести меня не пришлось, переждав головокружение, я с помощью врача встал, и мы с ним немного прошли, до следующей скамейки.

– Ну что ж, думаю, дойдём до машины, – резюмировал тот и, подхватив свой саквояж, стал ожидать, пока я попрощаюсь с ребятами и девочками.

Скотиной, что добро забывает, я не был, всё же спасли меня. Так что сердечно попрощался со всеми, кто был из молодёжной школьной группы по прыжкам в воду. И, не выдержав, поинтересовался, почему на плакате – о студентах, а они – школьники. Выяснилось, студенты тренируются вечерами, от обеда, а сейчас одиннадцать дня, время школьных команд. Развеели моё недоумение.

Всё же нас без сопровождения не отпустили. Инструктор строго-настрого велел детям не лезть в воду, подхватил меня на руки и понёс к выходу из парка, а врач заспешил следом. Пока меня несли, я с интересом осматривал фасоны прогуливающих отдыхающих, дивясь одеждой, в чём дети бегали, плакаты изучал. Вытянув голову, попытался рассмотреть стенд с газетами, но меня пронесли далеко от него. Вот проезжая часть, шум которой всё приближался, пока мы на неё не вышли. Белая машина с красными крестами дала мне больше информации. Все машины – старинного вида, круглые, с выступающими крыльями, фары не внутри корпуса, а снаружи на неких ножках. Не у всех, но и такие были. Машины – как в фильмах о гангстерах тридцатых годов. Шучу, конечно, но старинных для меня «Волг» и «Побед» хватало. Грузовиков много. Из современных пролетела Газ-24 новенькая, будто только с завода. Видимо, служебная, чёрная. Информацию по советским и российским машинам я изучал и знал, когда стали выпускать эти «Волги». Ориентировочно сейчас тысяча девятьсот семидесятый год, плюс-минус пара лет. Точнее позже узнаю. Уже легче. Это не съёмки фильма о советском периоде, и уж тем более не розыгрыш, да и кто меня будет разыгрывать? Нет, это реальность.

Водитель при нашем приближении выскочил и открыл дверь, боковую. Машина была универсал, тоже, кажется, «Волга», сзади широкая дверца, но меня решили посадить на заднее сиденье. Кстати, его внутри не оказалось, были бортовые, по бокам. Ничего, устроился и поблагодарил неизвестного для меня инструктора. Даже познакомиться не успели. В принципе, вряд ли когда больше встретимся, так что прощай, незнакомец, и спасибо тебе.

Врач сел тоже сзади, напротив, с другого борта. Водитель вернулся на своё место и, запустив двигатель, спросил:

– Куда? В детскую?

– Нет, давай к нам в Склиф, тут ближе, – ответил врач.

Водитель кивнул и, посмотрев в боковое зеркало заднего вида, повёз нас в неизвестном направлении. В одну из больниц Москвы. Склиф, я так подозреваю, – это Склифосовского. Жадно разглядывал город. Что ж, если вспомнить современную мне столицу, не сразу и улицы-то распознаешь, до того изменения коснулись всего.

До больницы доехали быстро, уже через десять минут въехали на территорию к дверям приёмного отделения скорой. Выйти мне тоже помогли и завели внутрь, где меня принял дежурный врач. Или фельдшер, я не понял. Пока врач, что меня привёз, заполнял карточку, меня быстро опросили, записав данные, только откуда я сказать не смог, поставили прочерк, из Сибири, и всё, пусть ищут. Повели в палату хирургического отделения. Вела пожилая санитарка. Она же всё объясняла, охая надо мной, и показывала. Разместила, помогла расстелить выданное бельё, лёг я уже сам, стараясь лежать на спине, чтобы не тревожить ребро.

Всего в палате было шесть кроватей, на двух лежали двое больных мужского пола, я с ними поздоровался, когда вошёл, назвался. Один представился дядей Лёшей, второй Саньком, на вид которому было лет семнадцать. Он со сломанной ногой лежал, сложный перелом. Ещё

две кровати тоже были заняты, мягое постельное бельё лежало, а вот шестая кровать пустая, только панцирная сетка и свёрнутый матрас.

Как только баба Зина, как звали санитарку, вышла, я тут же пошевелился и, скрипнув пружинами кровати, с трудом встал.

– Ты чего, Максим, ходишь, баба Зина прямо же сказала, чтобы лежал не вставая. В туалет захотел?

– Газету, – кивнул я на газету, что лежала на тумбочке одного из отсутствующих соседей. – Сегодняшняя?

– Нет, три дня ей уже.

Подойдя, я перевернул газету и всмотрелся в дату. 6 июня 1969 года. Теперь я знаю, какое сегодня число, девятое, понедельник. Меня что-то в пот бросило, поэтому, мелкими шажками передвигаясь, пошатываясь, я вернулся к кровати, оба моих соседа были не ходящими, у дяди Лёши перелом таза, я снова лёг и с облегчением вытянул ноги. Босиком шлёпал, да и состояние так себе, отлежусь, надеюсь, пройдёт. Я даже проанализировать свежую информацию не успел, вырубило сразу, как свет в комнате выключили.

Разбудили меня к вечеру, ужин был. Мне принесли его в палату, как и другим соседям. Двое отсутствующих уже появились, сразу познакомился с ними. Один токарь, получивший удар током, отчего у него отнялась одна рука. Лечили. Второй – живчик, как выяснилось, таксист. После автоаварии лечил сломанные рёбра. Он себе грудную клетку повредил о рулевое колесо.

После ужина за мной пришла медсестра и отвела в рентгенкабинет, где мне сделали снимок, после чего я вернулся обратно и лёг на кровать. Это недолгое путешествие забрало у меня все силы, едва дошёл. Зря от сопровождения отказался. Хоть ненароком пощупал бы медсестру. Она ничего, фигуристая.

Уснуть не успел, слушал радио, интересно было. Но пришла баба Зина. Она принесла больничную пижаму моего размера. Кстати, да, все в пижамах ходят, а я в одних шортах. С учётом синяков, покрывающих тело, вид фееричный. А тут выдали наконец, забрав шорты. Дальше я продолжал лежать ещё около часа, пока меня не вызвали в процедурную. Как выяснилось, сегодня дежурил как раз мой врач, и, когда принесли снимок, он решил мной заняться. У меня действительно был перелом одного ребра и трещина в соседнем. Ребро немного сместилось, нужно вправлять и накладывать новую повязку. Дождаться окончания процедуры у меня не получилось, вставляли ребро по живому. Вырубило.

Очнулся ночью на своей кровати с новой фиксирующей повязкой из-за острого желания сходить в туалет. Мочевой пузырь был готов вот-вот лопнуть. Стараясь не разбудить соседей, я встал, света из окна хватало, чтобы рассмотреть, куда ступаю. Только половицы скрипели да дверь, когда я её открыл. Медсестра сонно подняла голову, когда я вышел в коридор и направился в туалет.

– Как ты? – негромко спросила она.

– В туалет хочу. Грудь ноет, но терпимо.

– Хорошо, иди.

Шагать я и так не прекращал, так что быстро оказался в туалете. Свет горел, поэтому, зайдя, сразу устремился к унитазу и, сделав свои дела, испытывая немалое облегчение, подошёл к раковине, разглядывая себя в зеркало. М-да, видок ещё тот. В одних синих полосатых больничных штанах, которые приходилось придерживать, чтобы они не спали, рубаха, видимо, в процедурной осталась или у кровати висела, в потёмках я её не рассмотрел. Грудь стягивала тугая белоснежная повязка. По всему телу синяки, из-под повязки показывалась огромная гематома. На челюсти слева лелеет синяк, на скуле ещё один. Трещина на губе. Под глазами

ничего не было, а так – я это я. Та же рыжая шевелюра, наглые зелёные глаза и обаятельная улыбка. Норма всё.

Потрогав синяки, определяя, насколько они болят, я умылся и попил воды из-под крана. Наклоняться было больно, пришлось всё проделывать, сложив ладони пилоткой, наполняя их водой. Нормально, и напился, и умылся. Закрыв кран, подволакивая ноги, сил поднимать их не было, я вышел в коридор. Оказалось, медсестра разбудила врача, который спал в ординаторской, и он меня ждал. Пришлось снова идти в пыточную – процедурную. В этот раз осмотр врача удовлетворил, и он меня отпустил. Кстати, в помещении рубахи я не нашёл, значит, в палате. Добравшись до кровати, я лёг и, завернувшись в колкое шерстяное одеяло, почти сразу уснул.

Проснулся, когда громко взревело радио – играла музыка, это был гимн СССР. Видимо, вчера кто-то забыл убавить громкость, вот неожиданно радио и взревело. Почти сразу послышался скрип чьей-то койки, и звук притих. Открыв глаза, я определил, что сна ни в одном глазу, выспался наконец, а то вчера как сонная муха был. Осторожно, стараясь не потревожить рёбра, потянулся, скрипнув кроватью, и спросил у бодрствующих соседей:

– Сколько времени?

– Спи, шесть утра, сейчас новости по «Маяку» будут.

Сашка дрых без задних ног, только локоть торчал из непонятно как вывернутого одеяла, но я спать уже не хотел, о чём и сообщил соседям, мол, выспался. Спросив газету, я лёг на место и стал с интересом её читать, стараясь побыстрее влиться в местную жизнь. Вон, соседи помогут, научат, подскажут. Главное, поменьше косячить в незнаниях и речи, чтобы внимания не привлекать. Прочитав газету, я заскучал, больше литературы не было, а что было, я читал, это о художественных книгах. Вот у Сашки на тумбочке лежала пачка учебников, он на мехмате в МГУ учился. На первом курсе, и, чтобы не отстать, продолжал учиться, приятели ему приносили задания и забирали готовое.

Он спал, и спрашивать я не стал, взял верхний учебник, в который была в виде закладки вложена тетрадь, и стал изучать, что нарешал Сашок. Высшей математикой тут и не пахло, такие программы в старших школьных классах проходят. В моё время. Я их прошёл и темой владел. Изучив решение задачи, что вчера выполнял Санёк, я нашёл три ошибки и карандашом дяди Лёши указал на них, на полях внеся правку. Вернув тетрадь на место, я с интересом пролистал учебник, ох и древность, решения задач на уровне каменного века. С учётом того, что я по собственной инициативе для саморазвития самостоятельно учил весь учебный объём университета, то для меня эти задания были тьфу. Я уже на последних курсах задачи решал, даже мысленно писал лабораторные и курсовые, поэтому знакомая тема. Я положил учебник обратно на тумбочку, забрал всю остальную стопку и за полтора часа, до самого завтрака, успел изучить все учебники. Что ж, я теперь знал всю учебную программу факультета мехмата за первый курс. Вообще ничего сложного. Вот взрывчатку сделать в химлаборатории было сложно, чтобы не поймали, а тут так, больше на логику решения.

Я разбудил Сашку – принесли завтрак, а сам направился в столовую. Утром, когда проснулся и бегал в туалет по маленькому, то предупредил медсестру, что в состоянии дойти до столовой. Так что мне теперь обеды не будут носить. Не хотел санитарку напрягать, ей и так двух лбов кормить в одной только нашей палате.

Таксист и токарь пошли со мной, мы сидели за одним столиком. Таксист ел осторожно, токарь – одной рукой, вторая как бездействовала, так бездействовала, он её не чувствовал. Когда я пил подслащенный чай, то, поглядывая на соседа, решил рассказать ему одну историю. Кстати, реальный случай.

– Дядь Толь, я сам из Сибири, у нас там тоже много всего происходит. Был такой случай, мне мама рассказывала. Одного лесника ударило током. Серьёзно ударило, даже след остался,

и у него отнялись ноги. Ничего сделать не могли, даже не чувствовал. Всё испробовали. Он вернулся домой, пытался жить. За ним жена ухаживала. Так его сын решил воспользоваться последней надеждой. Рядом в поселении шаман жил, он к нему и обратился. Тот согласился посмотреть. Пощупал, опросил и сказал: «Клин клином вышибают. Лечить нужно тем же». Сын пробросил провод и, не колеблясь, с согласия отца, ткнул оголённые подключённые к бытовой сети провода к спине лесника. Ничего не случилось, того подёргало, на спине новый след-ожёг остался, но ног он не чувствовал. Они прогнали шамана, хотя тот и говорил, что нужно подождать. А потом, на второй день лесник вдруг почувствовал, что что-то колет в ногах, он стал их чувствовать. На третий день смог встать на ноги, а через неделю, набрав подарков, поехал к тому шаману и просил у него извинений. Вот такая история. У меня мама медсестрой была, она именно в той больнице и работала, где лесника пытались лечить. История почти из первых рук.

– Как интересно, – услышал я за спиной. – А где именно это произошло?

Обернувшись, обнаружил, что сзади стоит наш лечащий врач, который явно всё прекрасно слышал. Чего это он тут делает, дежурство-то закончиться должно, домой уже должен был уйти отсыпаться.

– В одном небольшом городе в центральной части Сибири, – честно глядя в его глаза ответил я.

– Прохвост, – улыбнулся тот и, посмотрев на моего соседа, строго помахал ему пальцем, чтобы он не занимался самолечением, после чего махнул мне рукой: – Идём, там к тебе пришли. В ординаторской пообщаетесь.

– А кто пришёл? У меня родственников нет. В Москве знакомых тем более. Я никого не жду, – насторожился я.

В действительности понять, кто мог прийти, было не сложно, наверняка работник социальной службы и сотрудник поли... э-э-э, милиции. Будут в детдом оформлять, ну и родителей искать. Вряд ли ошибся, я такую возможность предполагал. Просто не думал, что они так скоро придут, надеялся, день-другой у меня будет.

Встав, я проследовал за врачом, всё равно деваться некуда. После завтрака меня размогло, да и каждый шаг в бок стал болью отдаваться. Так что, когда вошёл в процедурную, рубаху у меня можно было выжимать. Доктор моё состояние заметил. Осмотрел, спросил о самочувствии и сказал гостям, чтобы долго меня не задерживали, но сам не вышел, сел у окна.

Посетителей действительно было двое, только сотрудника милиции я не обнаружил. Женщины оказались из газеты, отчего я с некоторым облегчением вздохнул. То, что дети школьной спортивной группы спасли мальчика, стало известно в определённых кругах. Того пионера решили наградить, всё к этому шло, вот и меня опросить решили. Я всё честно рассказал из того, что помню. Добавив, что очень благодарен пионерам за своё спасание. Так же выложил свою краткую отредактированную биографию. Сирота, решил увидеть море, но пока задержался в Москве. Эта версия мне нравилась, и я её придерживался. Я в самом деле никогда не видел море. У меня над кроватью висел постер с заходящим в волны океана большим и красивым солнцем. Я как это фото увидел, сразу понял, буду жить на берегу моря. Вышло очень трогательно, тем более я говорил от чистого сердца, и мне верили.

Закончив с моим опросом, обе дамы покинули ординаторскую, и я, посмотрев на закрывающуюся дверь, растерянно спросил:

– А они из какой газеты?

– «Пионерская правда», – улыбнулся врач.

– Надо будет почитать заметку. Интересно же.

– Как себя чувствуешь?

– Сил набрался, до палаты дойду.

– Хорошо. Иди.

В это время в ординаторскую влетела медсестра с криком:

– Василий Васильевич, Сомин пальцы в розетку сунул!..

Когда я зашёл в палату, Сашка затряс тетрадь со своей кровати.

– Это правда ты решил?

– Мама в институт поступала, я ей помогал. Задачки-то плёвые, – немного устало вздохнул я и лёг на кровать, разглядывая белёный потолок и лампочку без абажура.

– Помоги мне с задачами, а то я что-то подзапустил себя.

– За тебя решать? – искоса посмотрел я на него.

– Нет, помочь разобраться. Решу я всё сам.

– Это можно. Скучно тут, а так хоть чем-то займусь. Скажешь когда, помогу.

– Давай сейчас, к обеду Фёдор придёт. Заберёт тетради с готовыми решениями, отнесёт учителям на проверку. Нужно успеть.

– Сейчас так сейчас, – легко согласился я.

Не зря, Сашка оказался интересным собеседником и много что рассказал о своей школьной жизни. Он, как и другие соседи по палате, помогал мне освоиться в мире.

С нашим соседом всё было нормально, от удара током он даже сознания не потерял. До вечера в ординаторской просидел, о чём-то с врачом разговаривал. Вернулся, лёг на кровать к нам спиной и долго щупал руку. Наутро мы проснулись от крика:

– Чувствую!

Сотрудник милиции всё же пришёл, в тот же день, но после пяти часов, как раз перед ужином, из-за чего я чуть не остался голодным, ладно мужики в палате договорились и мне оставили еду на тумбочке. Старший лейтенант, что вёл мой опрос, не играл в верю – не верю, просто спрашивал и записывал ответы. Перед уходом он сказал, что если не найдут моих родственников, то определяют в детдом. Заявку он оформит, как и требуемые бумаги. Против этого я не возражал, имею в виду оформление в детдом. Мне нужно легализоваться, и это наилучший способ. Тем более что такое детдом, я знаю. А вот насчёт поиска родителей – вряд ли у милиции что получится, но пусть пытаются, в результатах я был уверен.

В действительности я решил этим летом рвануть на море, а что, в той жизни сколько собирался, но так и не сподобился, а тут мало ли что со мной случится, я уже после своего полёта на воду дую. Нет, побываю на море, и как надоест – обратно в Москву. Думаю, примут беглеца, тем более я планирую записку оставить, так, мол, и так, решил, как Том Сойер, отправиться в путешествие, ждите обратно к осени. Сейчас начало июня, к июлю восстановлюсь, вылечусь, меня заберут в детдом. Неделю пушу на освоение – и всё, можно сваливать. За это время и средства добуду. Пальцы-то такие же ловкие. Несмотря на занятие боксом, я продолжал их разрабатывать и тренировать навык.

Работал я всегда по одной клиентуре. Они редко появлялись на рынках, но в карманах у них всегда что-то было. Простых людей я не грабил, последнее не отбирал, так же и тут собираюсь сделать, но хапуг, тех, кто живёт за чужой счёт, опустить на денежки – это для меня зов долга. Вон, к одному больному в соседней палате ходит жена. В дорогой заграничной одежде, вся в золоте. Мол, смотрите, плебеи, как надо жить. Так вот это – мой клиент. Здесь я её не трогал, ещё чего, это может привести ко мне, а я всегда осторожен, но кто меня интересуется, думаю, вы поняли. За последнее время я привык, что у меня в кармане всегда есть наличность, жить очень помогает, а сейчас – ни копейки. Да у меня даже карманов нет, шорты, подаренные, и те забрали, моё единственное и первое имущество.

– Не крутись, – строго сказала воспитательница, приехавшая забирать меня из больницы.

С Ниной Андреевной я познакомился неделю назад, она приезжала к моему лечащему врачу предъявить документы, что я направляюсь в их детдом, и узнать, как у меня дела. В

больнице я провёл три недели, рёбра зажили, так что я спокойной походкой здорового человека с лёгкостью на душе покинул её. Нина Андреевна привезла мне комплект одежды. Ещё неделю назад я стал щеголять в чёрных трусах и белой майке, а сегодня уже появилась верхняя одежда, почему-то снова шорты. Серые с карманом на правой ягодице, потом жёлтая майка, белая кепка, чёрные носки и, главное, серые плетёнки – детская летняя обувь, сандалии. Забавная обувь, но, как ни странно, довольно удобная. Я к ней быстро привык. Как надел всё, осмотрел себя в зеркало в коридоре, так и привык. Вот вид – попугай бледнее выглядит, специально подобрала разнотипную одежду, чтобы она не сочеталась?

Я попрощался с соседями, забрал свои шорты, подаренные, мне их вернули, и направился следом за воспитательницей. Машина нас не ждала, много чести, к трамвайной остановке пошли. Естественно, я постоянно крутил головой, отчего меня изредка одёргивали. Изучал местную жизнь. В трамвае, а мы проехали четыре остановки, засёк щипача. Он к какой-то сварливой бабе подошёл и залез в сумочку. Я покачал головой в огорчение. Такие крикливые как раз самые наблюдательные и, схватив за руку, милицию не позовут, сами бить будут, да ещё народ в поддержку призовут. Самые неудобные клиенты. Этот ловок был, вытащил кошелек и наткнулся на мой насмешливый взгляд. Я показал большой палец и махнул рукой, чтобы проваливал. Сорокалетний мелкий мужичок удивлённо моргнул, но испарился быстро, сойдя на ближайшей остановке. Кстати, крикливая тоже на ней сошла.

Воспитательница ничего не заметила, она стояла в проходе и задумчиво смотрела в окно. Мне она показалась недалёкой, умной не назовёшь. Да и не красавица, склонна к полноте, не замужем, поэтому голодная и злая на мужиков. Теперь что это такое и как определяется, я знал. Когда она неделю назад пришла знакомиться, бельё принесла, а то у меня под больничной пижамой ничего не было, то стала проверять уровень моих школьных знаний. В детдоме умным я прослыть не хотел, поэтому пришлось тупить. Опрос проводился в палате, и Нина Андреевна не могла понять, почему мои соседи хихикают, насмешливо хмыкают или откровенно ржут. Последнее – это Сашка. Она краснела, бледнела, думала, над ней издеваются, но всё же закончила и ушла, определив уровень моих знаний как соответствующий возрасту, и, значит, всё хорошо, можно записывать меня в возрастную группу к ровесникам. Короче, осенью я буду поступать в восьмой класс. Опять. В прошлой жизни я экстерном прошёл два класса и учился в девятом. Тут идти этим же путём мне не хотелось, снова мной все дыры будут затыкать, лишая личной жизни. Вон у директора сколько дипломов и кубков, выигранных с моей помощью. Я не говорю, что там всё моё, но десятая часть точно.

Всё же я не удержался, подвернулся случай, и я в плотной толкучке достал из кармана костюма одного мужчины бумажник, позаимствовал три рубля одной купюрой и вернул тот на место. Будет моим НЗ. Кто его знает, когда я смогу выбраться с территории детдома. А наличка всегда пригодится.

Как оказалось, детдом был совершенно пуст. Мы прошли внутрь, где меня познакомили с директором и ещё раз опросили. Тут же я и узнал, что все дети в пионерлагерях, ну и в трудовые лагеря некоторых отправили. Воспитатели разъехались в отпуска. Сегодня я должен переночевать здесь, а завтра меня отправят в один из лагерей. Сопроводить меня поручили той же Нине Андреевне, я числился в её группе.

– Идём за мной, я покажу спальную комнату твоей группы, – сказал Нина Андреевна, и я из кабинета директора направился за ней.

Что ж, большое помещение на сорок кроватей. По свёрнутым на кроватях матрасам и отсутствию белья становилось понятно, что помещение пока не жилое. У воспитателя же я получил бельё, расстелил на своей кровати, третья во втором ряду, после чего она мне показала строения детдома и территорию. Покормить обещали кашей, бутербродами и чаем, кухня не работала, а завтра отвезут в пионерлагерь, где находится часть воспитанников теперь уже моего детского дома.

Воспитательница ушла, она жила неподалёку в общежитии, а за мной оставили приглядывать местную сторожиху. Она же и должна была покормить меня. Кстати, я всё же смог выудить, почему меня сегодня забрали из больницы, а не завтра. Можно же было сразу оттуда оправиться на автовокзал. Оказалось, директор детдома уезжала в трёхнедельную командировку и хотела со мной познакомиться.

Гуляя по огороженному парку, я осматривал территорию. Изредка по моим губам скользила кривая усмешка. Вот уж не ожидал оказаться в детдоме наших противников. Да-да, и в моё время он существовал, выжил и в девяностые, и позже. С парнями из этого детдома мы были на ножах, в основном из-за делёжки территорий для прокорма, так что более-менее наружный фасад я знал, за это время только цвет покраски здания изменился, а так всё так же. Вот внутри я никогда не был и об изменениях ничего не скажу. Изучал внутреннюю планировку с интересом. Хватило запомнить схему спасения по пожарной безопасности на всех трёх этажах, чтобы запомнить, что где находится.

Время было послеполуденное, три часа. На территории, кроме меня и сторожихи, никого не осталось, заберут меня только завтра, поэтому, решив, что до вечера можно погулять, я сказал сторожихе, бабе Вале, что пойду спать, соорудил куклу, чтобы она долго меня не хватилась, и выскользнул в парк. Там протиснулся между прутьев решётки, судя по блеску, я не первый, кто проходит этим путём, и оказался на улице. Вдохнув пьянящий воздух свободы, счастливо улыбаясь и шурясь, как довольный кот, я направился навстречу своим приключениям. Завтра отбытие, нужно подготовиться, чтобы не ехать с пустыми руками. Время есть, успею. Баба Валя сказала, что к шести меня разбудит, ужинать будем, так что к этому времени нужно вернуться.

Когда Нина Андреевна к девяти часам пришла за мной, я уже был готов.

– Откуда это? – резко спросила она, указав пальцем на тот предмет, что привёл её в такое возбуждённое состояние.

– Что? – проверив на всякий случай, не растёгнута ли ширинка – всё в порядке, у меня её вообще не было, – сделал я непонимающий вид и крутанулся на пятках, осматриваясь.

– Это то, что ты держишь в обеих руках над головой, рассматривая пол.

– Ах, вы о гитаре? – с облегчением уточнил я. – Это подарок. Соседи по палате скинулись и вот подарили. Таксист час назад привёз.

Нина Андреевна сразу поскучилась. В прошлый её приход, это когда она мои знания проверяла, те её взбесили, так что я был уверен, проверять она не пойдёт. А для её спокойствия, что гитара не краденная, я показал ей чек из магазина. Мол, передали вместе с подарком как раз на такой случай. Тут возразить воспитательнице было нечего, и, уточнив у сторожихи, как я себя вёл, махнула рукой в сторону автобусной остановки.

Что ж, музыка – это ещё одна моя страсть. В прошлой жизни я по Интернету заказал и оплатил настоящую «испанку», но хранил её у Жаклин, в детдоме простая гитара была, и этой пару раз чуть ноги не приделали, об «испанке» что уж говорить. Гитара пропала в том мире, а тут мне попался магазин музыкальных инструментов, зашёл, увидел чёрную лакированную кубинскую шестиструнку и пропал. Быстро пробежался, собрал денег и вернулся. Облом, продавать ребёнку не захотели. Фигня. Договорился с алкашом за рубль и купил гитару. Шестидесять семь рублей. Смешные деньги за такое сокровище. Естественно, чехол и запасные струны я не забыл. Ну и по магазинам прошвырнулся, так что в чехле с гитарой кое-что было, по карманам тоже, воспитательница проверять не стала. В общем, ехал не пустой. Вернулся вчера вовремя, сторожиха не засекла, а утром разыграл представление, радость, как будто мне её только что вручили, в общем, зрительница была довольна. Даже сыграл ей романс, вызвав слезу. Хорошая песня, жалостливая.

В этот раз нам повезло, троллейбус был полупустой. Пройдя в салон и купив билеты, мы сели на свободные места. Положив чехол с гитарой на колени, я стал изучать других пассажиров. Мне была интересна модель поведения каждого, привычки и манера одеваться.

Куда мы едем, я не знал, воспитательница не посчитала нужным мне об этом сообщить, кроме того, что путь наш лежал в пионерлагерь «Петушок». Мне он уже по названию не понравился. Я и не знал, что у пионерлагерей могут быть названия, как у детских садиков. В принципе, сразу сбежать я не планировал, хотел познакомиться с детдомовскими, немного узнать о своём нынешнем детдоме, но сейчас даже не знаю. Что я буду потом говорить, что был в «Петушках»? Да у нас в будущем за одно слово зачморить могут. Тут пока этого нет, не понимают, но всё равно некомфортно. Ладно, посмотрим на месте.

Достав из кармашка чехла жестяную коробочку леденцов «Монпансье», я открыл её и бросил в рот один кругляш. Во рту как будто произошёл фейерверк, взрыв вкуса. Хорошо быть ребёнком, зрение, слух, а главное, вкусовые рецепторы очень чувствительны. Нужно радоваться и пробовать всё, пока ребёнок, вот я всё и пробовал. Протянув коробочку воспитательнице, дождался, когда она, вздохнув, возьмёт одну ледяшку, и убрал баночку обратно в кармашек.

– Подарок, – отрезал я, когда Нина Андреевна хотела спросить, откуда у меня леденцы.

Мы ехали молча. Я смотрел на улицу, разглядывал прохожих и машины. Радость перемещения за эти три недели немного притупилась, но я всё равно был счастлив. Мелькали улицы, проспекты, мы сменили троллейбус на одной из остановок, оказалось, маршрут у нас был с пересадкой, и поехали дальше. И пока ехали, я размышлял о своей дальнейшей жизни. Насчёт занижения своих знаний во время проверки, похоже, я был не прав. Сейчас, когда я середнячок, за шалости меня быстро поставят на учёт в школе милиции, а вот отличника, занимающего первые места на всяких спартакиадах или конкурсах, – это совсем другое дело. Репутацию будут беречь. Сейчас мне тринадцать с половиной, но ощущал я себе более взрослым, примерно шестнадцати – семнадцати лет. Конечно, и такие недоросли не думают о будущем и портят его. Я же такого не хотел, чтобы биография у меня была чистая, как белый снег, это откроет для меня многие дороги в будущем. Да, значит, снова будем становиться отличником. Насчёт дальнейшего существования тоже стоит подумать. Что будет после детдома? Инженерная, преподавательская и другая работа не по мне. Вот творчество – ещё ничего, делай, что хочешь, лежи и поплёвывай в потолок. С моими знаниями будущего какие направления музыки будут более востребованы населением, я легко проложу дорогу на местный Олимп. Значит, первый шаг – музыкальная школа, чтобы было нужное законченное для этого образование.

Вот примерно такие планы и были. Нужно только кое-что уточнить у сопровождающей. Мы как раз вышли на остановке и направились к большому двухэтажному зданию с большой вывеской «Автовокзал». Перед ним была стоянка автобусов, занята она была не вся, их с десяток стояло. Хм, ЗИЛ. Не знал, что этот завод кроме грузовиков ещё и автобусы выпускает. Хотя на маршрутах в Москве как раз такие автобусы и ходили, я просто внимания на эмблему не обращал. Вот рядом стоял другой автобус. Уже ЛИАЗ. Новенький на вид, жёлтого цвета. Всего было девять таких ЛИАЗов.

По привычке крутя головой, я заспешил за воспитательницей, та быстро шла к кассам.

– Нина Андреевна, разрешите вопрос? – Я всегда с воспитательницей говорил предельно вежливо, что ей нравилось.

– Спрашивай, – замедлив шаг, величаво кивнула она.

– Я бы хотел поступить в музыкальную школу, получить музыкальное образование. Это реально сделать в нашем детдоме?

– Не совсем поняла, при чём здесь реальность, но радуется, что ты детдом уже считаешь своим. У нас есть уроки музыки, но рядом на соседней улице имеется и школа. Мы можем тебя записать туда, это достаточно просто.

– Я бы хотел, чтобы записали. Это поможет мне получить музыкальное образование. Я хочу писать слова и музыку для песен, а чтобы это делать, нужно хоть какое-то образование.

– А ты, я смотрю, уверенно смотришь в будущее, – улыбнулась Нина Андреевна, даже остановившись от неожиданности.

– А что делать, папы нет, мамы нет, кто-то должен заботиться обо мне. Кто, если не я? Тем более опыт в написании стихов и мелодии, чтобы создать из них песню, хорошую песню, у меня есть.

– Хочешь сказать, у тебя есть готовая песня, которую ты сам написал? – вытаращилась она на меня.

– Могу исполнить.

– Сейчас билеты возьмём, и пока ожидаем автобус, покажешь, что умеешь, мне самой интересно.

– Без проблем.

Показав какие-то документы, воспитательница получила билеты, причём я не заметил, чтобы она их оплачивала. Повернувшись ко мне, она сказала:

– Отправление через тридцать минут, идём в зал ожидания, там продемонстрируешь своё творение.

Мы прошли в здание вокзала, надо сказать не пустое, где я неторопливо снял чехол, немного поиграл, проверяя звучание. За это время рядом стал собираться народ, и я, ударив по струнам, спел весёленькую детскую песенку:

В каждом маленьком ребёнке,
И мальчишке, и девчонке,
Есть по двести грамм взрывчатки
Или даже полкило!
Должен он бежать и прыгать,
Всё хватать, ногами дрыгать,
А иначе он взорвётся, трах-бабах!
И нет его!

Каждый новенький ребёнок
Вылезает из пелёнок
И теряется повсюду
И находится везде!
Он всегда куда-то мчится,
Он ужасно огорчится,
Если что-нибудь на свете
Вдруг случится без него!¹

Играя, я смотрел на маленькую девочку лет трёх, которая действительно была очень суетливой. Многие, это замечая, улыбались, потому что песня была в тему. Девчушка же, засмутившись, спряталась в складках материнского платья под смех зрителей. Закончив играть, я покосился на задумчивую воспитательницу и взял чехол, собираясь убрать гитару, но она вдруг спросила:

– Это единственная песня, которую ты написал, или ещё есть?

Слушатели, которые стояли рядом и не спешили расходиться, насторожились: оп-па, мало того что тут поёт молодой певец, так ещё и сам пишет. Интере-е-сно.

---

¹ Г. Остер.

- Есть хулиганская. Тоже детская, и ещё одна более взрослая.
- Давай хулиганскую.
- Без проблем.

Сделав гитарный перебор, слушая звучание, я начал наигрывать, весело улыбаясь, и запел:

А я маленькая мерзость, а я маленькая гнусь!
Я поганками наелась и на пакости стремлюсь,
Я людей пугаю ночью, обожаю крик и брань,
А я маленькая сволочь, а я маленькая дрянь...

У меня четыре зуба – восемь шей.
У меня большие губы – до ушей.
Я диету соблюдаю много лет,
Тараканов поедаю на обед...²

Когда я закончил, слушатели стали рукоплескать, молодёжь непривычная, бодрая и весёлая песенка привела в восторг, но более взрослые слушатели восприняли её спокойно. Вот воспитательница, надо сказать, всё же дослушав песню до конца, быстро сказала с некоторой угрозой в голосе:

- Только попробуй её в пионерлагере исполнить.
- Я постараюсь, – улыбнулся я так, что можно было понять: ещё как спою!
- Давай третью, она, надеюсь, более спокойная?
- Конечно. Мечты и желания семнадцатилетнего мальчишки.

Мудрые книжки
Брошены в стол, джинсы – под мышку,
Встал и пошёл.
В школу сегодня – явно не в кайф,
Значит, зажигаем драйв!

Славный денёчек, птички поют,
Сяду в тенёчке, пива попью.
Пачка «Пегаса» вроде цела,
Значит, мамка не нашла.

Ветер в голове, а я влюбленный
Во всех девчонок своего двора,
В мире столько мест, где я ещё ни разу не был.

Ветер в голове, портвейн креплённый
И песни под гитару до утра,
А над головой распахнутое настезь небо...³

---

² С. Маслов.

³ Трофим.

В этот раз как народу, так и аплодисментов было больше. Песня немного была мной переделана, сейчас не то время петь про Совков или Каплан, но даже с монтажом она прошла на ура. Встав, я раскланялся и громко сказал:

– Исполнял автор слов и музыки воспитанник детдома Максим Ларин.

Я как тот хомяк, моё – значит моё. А маэстро, которые создали эти шедевры, ещё напишут. Никакими душевными терзаниями за воровство песен я не страдал. Глупость какая. Кто успел, того и тапки. Они своё в моём будущем получили.

– Время. У нас автобус, – напомнил я задумчивой воспитательнице.

– Последняя песня для тебя слишком взрослая. Это точно ты её написал?

– Да, надо будет авторство оформить. Вы поможете мне с этим?

– Поможем. Думаю, директор обрадуется. У нас одна девочка, она уже повзрослела и покинула детдом, тоже песню написала, но спела её другая певица, даже по радио выпускали и на пластинках. Если ещё и твои песни знаменитыми станут, это хорошо для детдома.

– Конечно, – согласился я. – Если надо, я ещё песни напишу. Даже политически правильные.

– А вот это ты молодец.

Убирая гитару в чехол, я кивал и улыбался подходившим слушателям, пожал пару рук, после чего, повесив гитару на плечо, у меня там длинный ремень был, и поблагодарив слушателей за их поддержку, заспешил за воспитательницей, действительно автобус уходил через десять минут, нужно поторопиться. К моему удивлению, кондуктора, который проверял у нас билеты, прежде чем пропустить в салон автобуса, и водителя я узнал – они стояли среди слушателей во время моего выступления. Водитель даже воскликнул:

– О, молодое дарование, с нами, значит, едешь?!

– Я еду с сопровождающим, а она уже с вами, – уточнил я.

Жизнерадостно заржав, тот подтолкнул меня в салон. Я сел рядом с Ниной Андреевной, которая пребывала в тяжких раздумьях, и, положив гитару на колени, грифом на плечо, спросил у неё:

– Нам долго ехать?

– Почти пять часов, Максим.

– Ого, это в какие же дали мы едем?

– Ржев, знаешь такой город?

– Ого, до него же километров двести пятьдесят?!

– Столько примерно и есть. Пионерлагерь находится именно там.

– А что, поближе ничего не было?

– Сейчас я понимаю, что нужно было оформлять тебя куда-нибудь поближе. Но свободное место было только там, вот и приняла путёвку. Там больше шестидесяти пионерлагерей, отличная природа, водоёмы. Наши воспитанники там часто бывают, жалоб не было. Хорошие места.

– А для армии гибельные, – вздохнул я. – Ладно, посмотрим... Хм, даже интересно будет. Автобус ещё стоял, и я попросил отлучиться по маленькой.

– Если водитель отпустит.

– Отпустит, – уверенно ответил я и передал гитару: – Посторожите.

С водителем проблем не возникло, он махнул рукой, сказав, что я могу очень не торопиться. Время и в пути наворачиваем. Меня действительно немного припёрло, тут я не играл, поэтому, быстро сбегав в отхожее место, на обратном пути завернул в буфет, где купил две бутылки воды, в дороге могут пригодиться, и вернулся обратно.

Автобус вышел в рейс практически вовремя, так что, не особо нарушая скоростной режим, мы выехали на Ржевскую дорогу. Я иногда начинал дремать, цепко держа гитару в объятиях, а воспитательница, достав небольшой блокнотик, что-то писала, изредка прерыва-

ясь и задумываясь. Заглянув, я увидел планы, графики и какие-то схемы. Пару раз мелькало моё имя. Смотреть было не очень удобно, но, похоже, воспитательница, пока свежа память, составляла список дел по моему возвращению, что будем делать и куда бегать. Регистрация песен, запись в школе и всё такое.

Как оказалось, водой можно было не запастись. Автобус заезжал во все населённые пункты по пути, так что купить воду было не проблемой. В одном городке, в половине пути от Ржева, была получасовая остановка, и мы пообедали в придорожном кафе. Я съел харчо, впервые попробовав это блюдо, поэтому остаток пути обпивался водой – почему суп такой острый? И ещё, пока Нина Андреевна сидела в салоне и охраняла гитару, я успел сбегать к киоску Союзпечати, в котором купил с десятков тетрадей, пачку конвертов, баночку с тушью, перья, карандаши и другие письменные принадлежности. Всё это мне упаковали в плотную бумагу и перевязали бечёвкой, я оплатил шесть рублей семнадцать копеек. М-да. Бумага и писчие принадлежности нужны мне были для тренировок, такими я ещё не пользовался, руку надо набить.

Естественно, Нина Андреевна поинтересовалась, что у меня за свёрток. Честно пояснив, что это, я был немного удивлён последующим вопросом: откуда у меня деньги? Ответил, что мне сунули их после сыгранного репертуара в зале ожидания автовокзала. Крыть воспитательнице было нечем, лишь спросила, почему я взял?

– Дают – бери, бьют – беги, – пожал я плечами, на что она только махнула рукой.

До Ржева мы не доехали, сошли чуть раньше. Даже не у населённого пункта, а на перекрёстке дорог.

– Далеко идти? – спросил я, когда автобус отъехал, вешая за спину гитару и беря свёрток с писчими принадлежностями в левую руку, а бутылку с водой – в правую.

– Нет, километра четыре. Там дальше деревня небольшая, Петухово. Рядом с ней и находится пионерлагерь.

– Ага, с названиями разобрался. Тогда идём, посмотрим какое там житьё-бытьё.

– Может, не понравится? – улыбнулась воспитательница.

– Не понравится, сбегу, – пожал я плечами. – Не вижу в этом проблем.

– Куда сбежишь? – даже остановилась Нина Андреевна.

Обернувшись, я спокойно пояснил:

– Не волнуйтесь, к началу сентября я вернусь, я же помню нашу договорённость. Нужно учиться, да и музыкой заниматься.

– А почему сразу в детдом не хочешь вернуться? – спросила воспитательница, догнав меня, и дальше мы шли неспешным шагом.

– У вас есть мечта, Нина Андреевна?

– У всех она есть.

– У меня, как вы понимаете, тоже. Я мечтаю увидеть море. Поживу дикарём на берегу всё лето и вернусь загорелый, с белоснежной улыбкой на лице и счастливый. К концу лета буду, обещаю. Да и куда мне идти?

– Ты это всё-таки брось, на море он собрался, – немного возмутилась Нина Андреевна. – Веди себя как все. Кстати, ты пионер?

– Конечно. Только галстук так и не научился завязывать, мама это всегда делала.

– Хм, извини, что напомнила.

– Ничего, я сильный. Да и привыкаю уже, – вздохнул я. – Когда вырасту, я буду жить на берегу моря. Из окон моего дома будет вид на красивейшие закаты. В Адлер поеду, точно, в Адлер.

– Мечтатель.

Никаких попутков нам не попало, пока шли, дорога оставалась пустой, лишь ветер гонял пыль. Впереди действительно виднелась деревня, но мы раньше свернули на укатанную поле-

вую дорогу, дошли до брода. Но перешли речку через пешеходный мостик, находившийся рядом с бродом. От речки до лагеря было всего метров триста. Пройдя ворота, сквозь многочисленную детвору – были и более взрослые ребята и девочки, чем я, – мы направились в сторону административного домика. Нас провожали взглядами. Некоторые ребята здоровались с воспитательницей, она им отвечала, вот этих детей я рассматривал более внимательно, встречая такие же изучающие взгляды. Точно из детдома детвора.

Директор пионерлагеря оказался на месте, появление нового воспитанника он воспринял равнодушно: прибыл и прибыл. Получив на меня документы, он попросил воспитательницу остаться, а мне выйти. Мнение о лагере у меня ещё составлялось, но в одном я был уверен: мне здесь уже не нравится.

Усевшись на ступеньки крыльца, положив рядом гитару, я достал из кармашка чехла монпансье и, открыв коробочку, бросил один леденец, липнувший к пальцам, в рот. Убрать не успел, маленькие набежали, второклашки вроде. Конфет мне было не жалко, раздал все, после чего сунул пустую баночку обратно, пригодится для мелочи. Для тех же, например, иглол и ниток. Малышня засыпала меня вопросами, так что сидеть было не скучно. Пока я отвечал на один, мне успевали задать ещё с десятка, пока отвечал на другой, насыпали ещё с три десятка. Ох и тарахтелки... Пацаны ещё ничего, а вот девочки ну очень любопытные. Узнав, что я из детдома, многие понимающе покивали, тут такие, как я, были. О гитаре спросили, ну и остальное.

Спасли меня вышедшие на крыльцо директор и Нина Андреевна. О чём они вели беседу, подслушать не удалось из-за пионеров и октябрят, что стояли у крыльца, но, судя по красному лицу Нины Андреевны, дошло до споров.

– Постройте отряды, – велел кому-то директор.

Пока вожатые командовали, я последовал за директором и встал рядом. Наконец ровными линейками встретились отряды. Хм, а детей тут хватало. То-то мне показалось, лагерь большой.

– Вниманию отдыхающим, – громким поставленным голосом обратился директор, и вокруг тут же наступила тишина, дети стали слушать, что скажет местное начальство. – У нас появился новый мальчик. Это Максим Ларин из московского детдома. Из какого, вы знаете, у нас многие отдыхают из него. Прошу отнестись к новичку с пониманием, выказать расположение, показать, что и где у нас находится. Максима мы записали в шестой отряд. Вожатая, займитесь мальчиком. На этом всё.

– А мне что, слово не дадут?! – возмутился я.

– А есть что сказать? – Во взгляде директора появился какой-то интерес.

– А то как же! – Сделав шаг вперёд, я осмотрел выстроенные в квадрат отряды и громко стал рекламировать себя: – Максим Ларин, тринадцать с половиной лет от роду. Без меры обаятелен – девочки, держитесь...

– Ларин! – громким шёпотом, под хихиканье детей зашипела Нина Андреевна.

– Так я и не о школьницах, это же дети, ничего интересного. Я о вожатых... Так вот, без меры шалун, но черту не перехожу. Умею играть во все игры. На гитаре тоже пою и играю. Хорошо дерусь, второй разряд по боксу...

– Ларин, почему я не знаю?! – снова влезла Нина Андреевна.

– А вы не спрашивали, – мгновенно отрезал я. – Могли и понять по сбитым костяшкам на пальцах.

– Что ещё я не знаю?

– Полгода греблей занимался, довольно успешно. Потом год восточными боевыми искусствами, в частности джиу-джицу и карате. Тайский бокс не особо понравился. Хотя два месяца изучал его. Год занимался спортивной стендовой стрельбой, но разряд не получил, раньше надоело, и ушёл. Вот в лёгкой атлетике мой любимый – бег на дальние дистанции. Не раз пер-

вые места занимал. Этот спорт мне очень интересен. Не раз помогал в жизни. Бывает такая ситуация, где спасают только быстрые ноги.

– Хорошо сказал, молодец, – усмехнулся директор. – Ты закончил?

– Да вы что, я ещё и не начинал себя расхваливать...

– Считаю, закончил. Отряды, разойдись! Евгения, займись новичком. Больно он шустрый, – напомнил вожатой директор и, подхватив за локоть немного растерянную Нину Андреевну, повёл её обратно в свой домик.

Меня почти сразу окружили дети, как из моего теперь отряда, так и из других. Вопросы сыпались с разных сторон, но меня спасла девушка в пионерском галстуке, по виду ей было лет шестнадцать. По мне, она уже вполне сформировавшаяся, личико чистое, а не как у её соседки, в сплошных прыщах, можно и закрутить. Посмотрим, как сложится и не свалю ли я отсюда раньше.

Меня повели по лагерю к корпусу, где жил мой отряд. Пока шли, у меня была возможность осмотреть сам лагерь. Кстати, вполне на уровне: новенькие «казармы» и другие строения, дорожки заасфальтированы, везде разметки. Чисто и аккуратно, всё как в сказке. То есть видимость счастья здесь вполне на уровне, а как в реальности, посмотрим.

Толпой – вот им делать что ли нечего, кроме как меня сопровождать, – мы прошли к нужному строению и вошли внутрь. Мне указали на свободную кровать и выделили бельё. Кровать стояла спинкой к стенке, тут всего было два ряда кроватей, с коридором между ними, подушки везде лежали со стороны стен. Я сложил вещи в тумбочку и повесил над кроватью гитару. Тут повезло, был вбит крепкий гвоздь. Несмотря на то что одноотрядники явно желали со мной пообщаться, вожатая отвела меня в отдельную комнату в нашей «казарме», оказавшейся читальным залом, или нечто подобным, и заперла дверь.

– Мне уже раздеваться? – завлекающим голосом спросил я.

Та густо покраснела и немного резко ответила, явно пытаюсь меня осадить:

– Не думай тут о себе, наглый мальчишка. Я тебя для другого позвала, хочу знать, что за фрукт оказался в подчинённом мне отряде.

– Очень сладкий фрукт. Поверь, сорвёшь – не пожалеешь.

– Может, хватит? – устало спросила она.

– Ну ладно, – уже спокойным голосом ответил я. – Что хотели? Только давайте быстрее, а то мне сейчас там гитару поломают. Вон, уже кто-то тренькать пытается.

– Мне нужно знать, что ты умеешь? В чём я на тебя, как на пионера, могу положиться?

– Хороший пловец, так что, если за кем на пляже нужно присмотреть, например, за малышняй, обращаетесь спокойно. Разнять драчунов – тоже без проблем. Люблю боксировать. Если нужно отбить соперницу от любимого мужчины – тоже без проблем. Это так, мало ли такая услуга пригодится вам лично. Вожу машину, но не очень хорошо, показали, дали покатайся, однако практики не хватает. Бегаю хорошо, но это вы уже слышали. Рисую так себе, не дано мне это, но писать умею красивым почерком. Вроде всё. Если что не упомянул, скажите.

– Гитара?

– Владею неплохо, голос есть, как мне говорили. Тоже можно использовать, репертуар большой.

– Хорошо. Теперь давай я тебе расскажу распорядок в отряде. Что можно и что нельзя.

Выслушав, иногда кивая, я, когда вожатая закончила, поднял руку:

– Хотелось бы сразу сообщить. Скорее всего, ночевать в отряде я буду редко.

– Почему?

Встав, я подошёл к девице и, ткнув ей пальцем в ложбинку между грудей, достаточно серьёзно и жёстко сказал:

– Видите ли, э-э-э... А как вас зовут? Так вот, Евгения Павловна, я уже состоялся как мужчина, и женщина у меня была. Мне понравилось, и останавливаться я не хочу. Дрочить

под одеялом – это не моё, поэтому, если не найду партнёршу в лагере, поищу в деревне. Там, я уверен, сговорюсь, поэтому и сообщаю: меня ночами может не быть. Не смотрите на меня так и не краснейте, поймите, это всего лишь физиологический процесс, такой же естественный, как справлять нужду, и даже полезный для здоровья. Хотя в СССР секса нет, у меня он есть, и бросать я это дело не собираюсь. Ни-ког-да. Надеюсь, понятно расставил акценты?

– Более чем, – оттолкнув мою руку, пыхтя, ответила красная, как варёный рак, вожатая. Не зная, что мне сказать, она буркнула первое, что пришло на ум: – Узнаю, что не ночевал в отряде, сообщу Евгению Олеговичу, нашему директору.

– Да мне без разницы.

Девушка выпустила меня в общую комнату. Судя по хихиканью вокруг, её вид никого не обманул. Заметив, что моей гитары на стене нет, я грозно взглядом обвёл всех присутствующих и прямо спросил:

– Кто взял мою гитару без спроса?

– Старшие мальчика прислали за ней, – ответил один из парней.

Ему было по виду, как мне, да и большинству столько же. Соседнее помещение было уже комнатой девчат, тоже моих сверстниц, но почти все они в настоящий момент были здесь.

– Кто такие? – напрягся я, похоже, сейчас будут разборки.

– Десятого отряда, там десятый класс. Взрослые уж, курят.

– Показывай, где они, – требовательно велел я ему.

– Ты куда это собрался? – заступила мне дорогу вожатая.

Прижавшись к ней, я враскорочку поцеловал её, так же как меня целовала Жаклин, и у меня крышу срывало. Оставив ошеломлённую девушку стоять, похоже, репутацию я ей изрядно подмочил, я вышел из нашего корпуса и быстрым шагом направился по дорожке к другому, через три от нас. Бежавший рядом сверстник быстро пояснял, кто там главенствует и верховодит.

– Не волнуйся. Не впервой с такими шакалами общаться. Сейчас зайду и вежливо попрошу его вернуть мою гитару.

Мою вежливость в детдоме все знают.

Паренёк не побоялся зайти за мной следом в комнату парней.

Не останавливаясь, я направился к лохматому крепкому парню, который лежал в трусах и майке и тренькал на моей гитаре. На соседей кровати сидел другой и осматривал кармашки на чехле. Он повернулся, когда я подходил, кто-то из присутствующих в комнате возгласом предупредил его. Быстро сделав два шага, я оттолкнулся от пола, немного взлетев, и, вложив в удар кроме притяжения ещё и свой вес, нанёс ему в лицо правым кулаком удар. Мой коронный, как тренер по боксу говорил. Всё, этот не соперник, в ауте, сполз на пол без сознания. Так же молча, ногой, причём стопой, тоже приложив свой вес, вlepил в лицо второму, начавшему вставать с перекошенным от ярости лицом. Мотнув головой, так что отчётливо был слышен хруст челюсти, он откинулся на подушку. Я аккуратно забрал из его рук гитару, положил её на соседнюю койку и, запрыгнув на кровать «музыканта», стал с силой опускать стопу правой ноги на его лицо. До того, как меня оттащили от него другие хозяева комнаты, я успел превратить его физию в кашу. Раздав несколько ударов, я освободил пространство вокруг себя. Мне тоже пару раз прилетело, ухо правое начало ныть. Я зло осмотрел, кто меня окружает, и угрюмо сказал:

– Если хоть одна падла протянет к моим вещам свои грабли, я приду и, как сейчас это сделал, вежливо попрошу вернуть, а труп в речке притоплю. Надеюсь, я понятно сказал? Вопросы будут?

– Ты, дурной, ты чего с Пашкой сделал?! – возмущённо спросил один из парней с татуировками на руках. – Вернёмся в детдом, мы тебе там покажем!

– Белые тапочки заказывайте, топота приבלатнённая, – сплюнув, ответил я.

Подняв с пола чехол, я вернул всё на место. Прошёлся по карманам вырубленного под возмущённый ропот зрителей, мало ли что пропустил, нашёл пачку денег и тоже прибрал, будет арендной платой за гитару. Убрал в чехол свою драгоценность, застегнул его и, закинув гитару на плечо, направился к выходу. На меня смотрели угрюмо, но не тронули. В комнате было с десяток крепких парней, ну и пара дрищей, но мне никто не заступил дорогу, и я, ухватив за локоть своего проводника, вышел наружу.

– Ну ты дал... – изумлённо пробормотал тот, тряхнув головой, после чего неожиданно протянул мне руку: – Юра.

– Макс, – пожал я ему ладонь.

– Ты действительно боксёр?

– В действительности у меня первый разряд, но я всем говорю, что второй. Это помогает в драке, все думают, что я не очень хорошо наношу удары, а в драке им неприятный сюрприз.

– Жестоко ты с Пашкой.

– Нужно сразу показать, что ко мне лучше не подходить. Сейчас я это продемонстрировал. Детдомовские только силу понимают. Эти поняли. Кстати, где тут обувь можно помыть, а то она в крови? Да ещё и на ногах брызги.

– Идём покажу. У столовой кран наружу вывели и бочку поставили, там можно незаметно помыться. К умывальникам не пойдём, увидят ещё.

Сходив к бочке, где я отмылся, мы вернулись в свой корпус, где нас нетерпеливо ждали. Юра, как и я, отвечал уклончиво, я попросил его не описывать того, что он видел, а старшие молчать будут. Слух, конечно, пойдёт, вон у медпункта нездоровое шевеление началось, но это только слух. Естественно, за мной тут же прибежала вожатая, а почти следом вошёл директор и Нина Андреевна, она ещё не уехала. Выгнав всех из комнаты, кроме меня, директор подошёл ближе и зло спросил:

– Ларин, ты что сделал с Сорокиным и Хлыновым?

– Вообще ничего не делал. А кто это? – искренне удивился я.

– Ты их избил и изувечил.

– Вот вы о чём! – обрадовался я. – Но я тут ни при чём. Действительно, когда я проходил мимо их корпуса, там дрались двое взрослых парней, я в окно видел. У одного лицо в крови было. В комнату я не заходил и что было дальше, не видел.

– Но избил их ты.

– Свидетели есть? – коротко спросил я. – Что они сами говорят?

– Говорить они пока ещё не могут, но другие указывают на тебя.

– Вы покажите, где они, эти другие, будьте уверены, скоро они скажут, что обманули вас.

– Угрожаешь, маленький наглец? – прошипел директор.

– Предупреждаю. Кто меня тронет, тот ответ и получит. Втройне. Это жизненный принцип.

Евгений Олегович обернулся к Нине Андреевне:

– Забирайте это чудовище, ему в моём лагере не место.

По моим губам скользнула довольная усмешка. Правда, воспитательница всё испортила.

– Это ваша работа, перевоспитывать таких подростков. Я его не заберу. Раз он уже оформлен в вашем лагере, занимайтесь им. Мальчик, конечно, не простой, но с ним вполне можно договориться, как я успела убедиться. Просто найдите компромисс, и все будут довольны.

«Блин, зря я её дурой считал. Вполне умная баба», – подумал я.

– Значит, не заберёте?

– Нет. Сами подумайте, как это отразится на вас, если вы, приняв ребёнка, в тот же день выгнали его. Причём ни за что. Ведь, действительно, никто не тычет пальцем в Максима и не

говорит, что это он, а до вас дошли лишь слухи. Соседи пострадавших молчат. Предъявить мальчику нечего, он прав.

– Ладно, но контроль теперь за ним будет усиленным. Я уже вызывал скорую, сейчас должны подъехать и забрать пострадавших. Это же ЧП, самое натуральное ЧП! – Взмахнув руками, директор вышел из комнаты и покинул домик.

Вздыхнув, Нина Андреевна, не обращая внимания на присутствующую вожатую, устало спросила:

– Как тебе тут, нравится?

– Да не особо. Дыра-дырой.

– Только попробуй сбежать, – тут же зашипела воспитательница.

И что они все на меня шипят?

– Посмотрим, но ничего не обещаю, – туманно ответил я.

Нина Андреевна заторопилась к дороге, скоро должен подъехать рейсовый автобус до Москвы, а я вздохнул и почесал затылок. В лагере я, можно сказать, прописался, дальше посмотрим. На ужине я уже побывал, так что сейчас было личное время отдыхающих. То, что оно у меня будет, я об этом заранее подумал, почему и купил писчие принадлежности. Главная проблема – писать пером, используя жидкие чернила. Нужно нарабатывать навык. Это планы на ближайшее время.

Лопата аккуратно подковырнула интересный предмет, на который я натолкнулся щупом, и на белый свет появилась расплзающаяся кобура, причём явно не пустая. Я встал на колени и аккуратно извлёк находку из земли. Осмотрев со всех сторон, стряхивая землю, вытащил из кобуры ТТ, на вид вполне нормальный, даже пятен ржавчины особо не было. Вот магазин выщелкнуть не получилось, отмывать и чистить нужно. Наклонившись, я поднял обрывки кобуры и вытащил из кармашка запасной магазин. Полный. Это хорошо. Рабочие патроны к пистолету у меня были, нашёл в сейфе разрушенного артобстрелом блиндажа, а теперь и средство инициации появилось, то бишь оружие. Не зря я тут ковыряюсь уже две недели.

Да, именно так. Из интереса начав поиски, я настолько увлёкся, что обо всём забыл. Чтобы не привлекать внимания, я заделался завзятым рыболовом. Нужно же было чем-то замаскировать своё увлечение и причины отсутствия в лагере. В первый день, одолжив у деревенских удочки, я после завтрака оставил записку, что ушёл на рыбалку, и пропал до вечера. На самом деле, попросив у тех же деревенских лопату якобы для копания червей и сделав из толстой проволоки щуп с загнутым концом под рукоятку, занялся поиском. Около деревни не искал, тут всё деревенские сами вымели, спрятал удочки на опушке и ушёл в глубь леса. Леса здесь обширные, но заблудиться я не опасался, у меня всегда была высокая оценка по спортивному ориентированию. За две недели вот ни разу не заблудился и всегда находил места своих прошлых раскопок. Я там оставлял лопату и щуп, не с собой же носить.

На поиски я тратил дня три-четыре в неделю, не более. Да и в лагере я стал вести себя тише воды ниже травы. Популярность была, это так, на пионерских кострах весь лагерь вокруг меня собирался, когда я пел песни. О гитаре теперь не беспокоился, её никто не смел тронуть, более того, ещё и охраняли. Пропадёт – кто играть-петь будет что-то новое и неизвестное? Так что за свою красавицу я был спокоен.

Хлынов вернулся из больницы на следующий день, второй остался. Ему лицо восстанавливали хирургически. О деньгах Хлынов не напоминал, что меня удивило, сорок рублей однорублёвыми купюрами – сумма большая даже для работающего человека, не то что для подростка, но парень вообще меня игнорировал, будто ничего не случилось. Я тоже не напоминал, оно мне надо? С директором у меня теперь нормальные отношения, хотя он и знал, что это я поработал над обоими пацанами, но свидетели в один голос утверждали, что те сами упали и неудачно ударились. Это не я, Хлынов с ними поговорил после возвращения. Оба постра-

давших всё подтверждали, так что обвинения с меня были сняты. Для директора тоже было наилучшим раскладом, что всё свели на бытовую травму.

Второй конфликт с директором возник, когда я впервые вечером вернулся с раскопок под видом усталого рыбака с удочками в одной руке и двумя мальками на верёвочке в другой. Не понравилось ему, что я без спросу ушёл. Поспорили немного, но договориться не смогли, и я продолжал уходить, ни у кого не отпрашиваясь.

В принципе в лагере меня приняли за своего. С вожатой я больше не заигрывал, чем заметно её успокоил, да и не хотелось как-то. Уставал на раскопках так, что фактически приползал обратно, поэтому даже на стороне не искал развлечений. Нет, точно нам бром в чай и компот добавляют. Про кисель не скажу. Я его не пил. Не по причине неприязни именно к этому напитку, вообще-то кисель я любил, а из-за того, что его всегда из чёрной смородины варили, а её я как раз на дух не переносил. В лагере я себя вёл как агитатор и активный пионер. На всех утренниках и работах был, своим видом и делом подначивая других отдыхающих. Игры судил, да и вообще становился незаменимым человеком. Это всё когда я не бегал «на рыбалку».

К счастью, к моим постоянным отлучкам стали привыкать. Я прямо так и сказал директору: дело любимое, не брошу. Утром буду уходить, вечером возвращаться. Директор был вынужден смириться. Хотя и поставил мне это на вид, лишь вытребовав информацию, где я рыбачу, чтобы, если что, на случай проверки, например, можно было срочно вернуть меня в лагерь. Я сказал, что в низовьях речушки у запруды. Естественно, меня там не было, да я в тех окрестностях вообще ни разу не появлялся. А о запруде от деревенских узнал. Познакомился во время совместного купания на речке. Единственный песчаный пляж, куда водили отряды, был у деревни, так что общение было не только у меня, хотя вожатые и присматривали, чтобы пионеры не бегали в деревню. Но они ещё как бегали, единственный магазин в округе был там.

Вот так я и жил. Когда было желание, а оно было всегда, пока не пропадало, я брал удочки и бежал километр вниз по течению, забрасывал их, жёстко крепил, чтобы не унесло, и мчался на раскопки. Вечером, если везло, пару плотвичек было на крючках, насаживал их на срезанную ветку и нёс в лагерь как доказательство своей страсти. Ха, директор говорил, что деревенские, рыбака прямо с огородов, больше ловили. Отрицать не буду, но я-то не рыбаку, а маскируюсь под это дело. До этого я рыбалкой никогда не занимался, из Москвы не выезжал. Еде рыбачить-то было?

А как-то, устало возвращаясь с раскопок, но с удовлетворением в душе – откопал «мосинский» карабин в неплохом состоянии, – начал вытаскивать плотвичек, насаживать их на ветку и решил немного посидеть отдохнуть. Вдруг у меня как клёв пошёл, почти на ничего, жучков ловил и использовал как наживку. Вот тогда я и понял, что такое настоящая рыбалка. Сорок штук наловил, еле до лагеря допёр. В этот день никто не ехидничал насчёт моего умения ловить. После этого я всегда с полчаса перед возвращением в лагерь сидел с удочкой, у меня поддельная страсть стала настоящей. Но раскопки всё же затмевали рыбалку.

За эти две недели, кроме сегодняшнего пистолета, я много интересного нашёл. В этих местах действительно шли страшные бои. Нашёл немецкий мотоцикл, в лесу стоял, заваленный ветвями и листвой. Я его осмотрел не трогая. Энтузиасты могли привести его в порядок, тут руки приложить нужно. Пару танков было, один на краю болота по башню в торф ушёл. Я его опознал как «тридцатьчетвёрку» ранних сороковых годов выпуска, второй – что-то иностранное, что по ленд-лизу получали. Артсистемы были, в основном приведённые в негодность, в окружении старых воронок. Нашёл шесть винтовок Мосина (у одной «мосинки» ствол был погнут, но механизм в порядке, и я, найдя ножовку, сделал из винтовки обреза), два немецких карабина, один МП в отличном состоянии, вроде «сороковой», но тут я не сильный специалист. Потом карабин откопал, в очень приличном состоянии. Цинки с патронами у меня уже были, три штуки, так я, когда привёл карабин в порядок, в лесу полцинка расстрелял. Ох и звон тогда

в ушах стоял!.. После пришлось одежду отмачивать, да и самому купаться, чтобы запах пороха отбить. Умение стрелять пригодилось, всё же стендовой стрельбой занимался, только карабин больше пинался, на плече огромный синячище, но пули в мишень со ста метров в одну точку укладывал, когда пристрелял оружие.

Но по первости я оружие к дереву привязывал бечёвкой и, спрятавшись за дерево, за спусковой крючок тянул, – я так всё незнакомое оружие проверял, а потом уже стрелял сам, с рук. Вполне нормально бахает, там, куда целил, здоровенные дырки появляются.

Дней пять назад я случайно наткнулся на яму, из которой торчали брёвна. Понял, что это блиндаж, начал раскопки и не прогадал. Кроме уже описанных цинков с патронами, нашёл ящик с гранатами, испробовал в озере, бахнуло хорошо, значит, «лимонки» рабочие. Потом на ППШ наткнулся, в неплохом состоянии. Ещё два карабина было, но состояние ужасное, повреждены взрывом. Следом сейф откопал. Гранатой и вскрыл его. Внутри из интересного кроме пачек патронов к ТТ оказался парабеллум. Кобура стала немного жёсткой, но вполне ничего, использовать можно. Кармашка для запасного магазина на кобуре я не нашёл, но два запасных магазина было, тут же лежали, в сейфе. Ещё был эсэсовский кинжал, так же как и пистолет, в отличном состоянии. В сейфе обнаружил и бумаги, документы штурмшарфюрера Клауса Шнитке, а также рапорт командира стрелкового батальона, штаб которого, видимо, занимал этот блиндаж, о захвате разведчиками языка. Не знаю, успели ли отправить немца дальше, в штаб полка, а потом и дивизии, но рапорт, документы и оружие пленного остались в сейфе. Дата была размыта, но вроде сорок второй год.

Ещё в сейфе оказалась невскрытая банка оружейного масла. Именно она позволила мне привести оружие в порядок. С разборкой и чисткой проблем не было, мне было интересно, и я достаточно быстро освоил всё оружие.

Естественно, при раскопках мне много мусора попадалось, касок было множество, что зачастую отбивало охоту копать дальше, но, как я уже описывал, и интересное было. Один раз на артсклад наткнулся, мгновенно унёс ноги, когда понял, что это.

Все находки копа я прятал в схроне на противоположном от лагеря берегу речки, чтоб поисковики не нашли. Потом заберу. Замаскировал всё хорошо. Оружие действующее, с боезапасом и даже с гранатами лет пять может пролежать без каких-либо последствий для себя, масла оружейного я для консервации использовал много. Это, конечно, не то, что нужно, но, пропитав старые тряпки, выменянные в деревне, пойдёт.

Последние два дня я стал замечать, что интерес к раскопкам у меня стал пропадать, наигрался. Много безымянных могил было, я все останки сносил в одну общую. А вчера съездил в Ржев и для очистки совести подкинул все найденные медальоны с координатами находок и документы в музей, пусть сами дальше работают, и тех, кого я нашёл и перезахоронил, выведут из списков пропавших без вести. Точные координаты братской могилы я оставил. Естественно, тут могут появиться официальные поисковики, поэтому решил, что пора прекращать раскопки, всё, что надо, у меня уже есть.

Сегодня так, в последний раз копнул. И – раз и такая интересная находка. Постреляв и почистив ТТ, я прихватил часть откопанного оружия и направился к месту рыбалки – нужно искупаться и постираться.

Кстати, во Ржеве я не только подкинул пакет со своими находками, но и решал другие вопросы. Покатавшись на маршрутах и побывав на рынке, собрал энную сумму денег. Брал понемногу, где рубль, где трёшку, чтобы не лишать людей последних средств к существованию. Набралась приличная сумма, тем более о трофеях с Хлынова забывать не стоит. И стал делать закупки. Во-первых, наконец приделся, а то у других детей есть сменка, а у меня не было. Купил два комплекта одежды. Летнюю походную с крепкими туристическими ботинками и курткой с капюшоном, «аляска» называлась. Дорогая собака. Сейчас всё это на мне, разношаваю. А также выходную, пионерскую – белоснежную рубашку, пилотку, два пионерских гал-

стука (один запасной), шорты и брюки, три пары бывших гольф, полуботинки и сандалии. Если где надо будет официально выступать, то не придётся занимать всё у соседей, как уже бывало, теперь своё было.

Во-вторых, естественно, заскочил в магазин «Охотник и рыболов», где купил большой рюкзак, что сейчас висел у меня за спиной, именно в нём на данный момент находились оба пистолета с запасом патронов, обрез и кинжал СС. Классный у него клинок. Приобрёл котелок, кружку, глубокую тарелку, ложку и вилку, складной нож, два тонких шерстяных одеяла и кусок лёгкого брезента для навеса, моток тонкой витой верёвки – не синтетика, но похоже. В аптеке взял перевязочный материал и всё то, что пригодится в походе. Я стараюсь ко всему подготовиться, в жизни это помогает. В магазине купил консервы, сухари, крупу, соль, чай и сахар.

Рюкзак забил так, что еле допёр его из города, но, естественно, спрятал в лесу, я же не идиот всё приобретённое в наш домик нести, палево, сразу поймут, что я к побегу готовлюсь. Кстати, завтра ухажу, рано утром, все уже привыкли, что я в шесть утра совершаю пробежки и занимаюсь на территории спортгородка, так что не обратят внимания, что я ушёл. У меня уже всё было готово: вещи для путешествия, продовольствие и всё остальное.

Накупавшись, я постирал свою вчера купленную одежду и, подождав, пока она высохнет, с уловом в левой руке направился к одному из схронов. Он был в дупле. Достав всё из него и сложив в рюкзак, набив его под завязку (парабеллум и обрез были на дне, а ТТ положил сверху, мало ли какая ситуация сложится), переоделся. Походную одежду убрал в дупло, рюкзак на верёвке поднял на вершину дерева и привязал к ветке. После этого, придав себе привычный вид, направился в лагерь, в руках у меня были удочки и, естественно, сегодняшний улов. Отдаю его на кухню, бывает, уху варят, но обычно я мало рыбы приносил, и поварихи для себя её жарили или начальству, мне было откровенно пофиг, я им так и говорил.

Когда вышел к деревне и лагерю, то обнаружил там нездоровую суету. Свернув сперва в деревню, удочки вернуть надо, я ведь навсегда уезжал, поторопился в лагерь. Там у ворот у первого же малька я спросил, что происходит.

– «Зарница», в «Зарницу» играть будем, – на бегу ответил тот. – Сейчас автобусы приедут.

– «Зарница»?.. – задумчиво протянул я, и в моём голосе явно был слышен интерес.

Об этой игре мне уши прожужжали, так что я понял, что мой побег откладывается на неопределённое время. Такое веселье я точно не пропущу. Подскочив на месте, я сломя голову побежал к столовой – нужно от рыбы избавиться. Потом я быстро ополоснулся под умывальником и побежал к своему отрядному домику. Нужно торопиться, ручейками отдыхающие школьники уже стекались на главную площадь, где обычно проводилась линейка. Причём почему-то все в праздничной одежде. Не понимаю, если на игры едем, надо ведь что похуже надевать, всё же испачкаться можно. Странно. Да и парни с девушками старших отрядов тоже были заметно возбуждены, хотя их заставить что-то делать – ещё постараться нужно. Это я о некоторых парнях, из тунеядцев, как их в лагере называют. А тут впереди всех идут. Чудеса.

В лагере было непривычно: пустая волейбольная площадка, хотя там всегда до темноты раздавались крики команд, свистки судей и удары по мячу, другие площадки тоже опустели. Такое бывает только во время линейки. Добежав до своего корпуса, оттуда выходили последние, я забрал гитару, переодеваться мне не во что было, и, догнав нашу группу, занял своё место. Между Пашкой Соломиным и Серёгой Красновым.

– Вовремя ты, – шепнул Сергей. – Вон, уже автобусы подъезжают. Семь штук всего. Половина лагеря едет. Сейчас объявят кто.

Естественно, меня в списке участников игр не было. Директор лично зачитал фамилии участников. Наш отряд отправлялся весь, кроме меня. Старшие отряды тоже ехали полностью, оставались самые малые, все. Дальше последовала погрузка в автобусы. Кстати, старшие отряды отправили раньше. Как мне пояснили малые, у них своя игра, «Орлёнок». Не слышал

о ней, не рассказывали. Ну да ладно. Наконец после получасовой неразберихи пионерлагерь опустел, в смысле участники игр уехали, директор тоже, и заместитель директора пионервожатый Толик велел всем расходиться. Он, как и я, был недоволен, не взяли. Всего в лагере осталось два вожатых, все остальные уехали.

В принципе, таким обломом я не расстроился. Не поехал, так не поехал, тем более в подобных играх я никогда не участвовал и не знаю, что пролетело мимо, а рассказы других участников – это только рассказы. Зато был железобетонный повод свалить из лагеря, мол, не понравилось отношение и всё такое, обиделся и уехал на море. Во директор на сковороде попрыгает, когда узнает, что свалил я по его вине. Нина Андреевна в это вряд ли поверит, она была в курсе, что я так и так собирался покинуть лагерь, но хоть что-то.

Вернувшись в здание своего отряда, непривычно пустое, я повесил гитару на стену и стал готовиться к эвакуации, то есть собрал свои вещи в узелок. Потом в рюкзак уберу. Делать было нечего, до ужина ещё полтора часа, с малышняй играть неохота, поэтому я решил оставить директору подарочек на память. Как мне пояснили, вернуться участники игр только через три дня, в палаточном городке жить будут, поэтому директор увидит мой прощальный привет только по возвращении.

Незаметно я пробрался к его домику. Хотя с отъездом половины лагеря тот и опустел, но шуму и гаму даже, кажется, прибавилось, малышня на игровых площадках старалась. Внутри я проник через окно, отжал штапики, вытащил стекло и открыл окно. Дальше я работал не отвлекаясь, шутка моя должна быть издевательской, но не материальной, чтобы привлечь и доказать не смогли.

Пришлось поломать голову, но я всё же нашёл выход. Теперь, при попытке включить свет, все лампочки вспыхнут и полопаются. Задача плёвая. Ящики стола не открывал, это уже подсудное дело, мало ли что там, просто оставил в комнате кота, хорошенько взбесив его, так что дальнейший разгром уже учинил кот, демонстративно сделав большую лужу посередине стола. М-да, перестарался я, пытаюсь взбесить его. Этот кот из деревни был, бегал через мостик к кухне, вкусняшки у поваров выпрашивал, так что его все знали.

Когда я вернул стекло на место и, забив штапик, стерев свои отпечатки, направился обратно, на полпути меня перехватила пара девчат. Оказалось, Толик разрешил их отряду купаться, а отправить не с кем, почти все вожатые уехали. Пришлось до ужина приглядывать за бесившимися в воде детьми. Потом был ужин, и наконец наступила ночь. Толик решил устроить пионерский костёр, естественно, попросив меня прийти с гитарой. Понимая, что это мой последний концерт в лагере, я задал жару. Так что до полуночи досидели, многие, зная уже песни, подпевали. Хорошо время провели, мне тоже понравилось, как-то полюбились эти посиделки у костра.

Ждать утра я не стал. Свидетелей нет, я один ночевал, поэтому, вернувшись к себе, я оставил записку в пустой тумбочке, чтобы сразу меня не хватились и тем самым выиграть дополнительное время, забрал узел с вещами и гитару и выскользнул в окно. Снаружи Толик прогуливался с одной из вожатых, смотрели, тихо ли в лагере, никто ли не бегаёт между отрядными домиками. Ушёл я тихо.

Добежав до схрона, взлетел по ветвям, отвязал рюкзак и спустил его, перехватывая верёвку, чтобы не заскользила в руках. Слез следом, переоделся в походную одежду, убрав ту, в которой ходил в лагере, в рюкзак, сунул пистолет за пояс, гитару прицепил к рюкзаку и, подсвечивая фонариком, пошёл через лес к автотрассе. Что нужно делать, я уже продумал. Мне нужно перебраться во Ржев, там был прямой маршрут в Адлер. Там лучше всего пристать к таким же путешественникам, сыграть пару раз для сотрудников правоохранительных органов, и я для них стану невидимкой. Скажу, что еду в Сочи к тётке, она меня встретит на перроне, а на месте уже ориентируюсь. Тут главное до железной дороги добраться. Всё же до неё тридцать км с хвостиком. Даже чуть больше, с условием, что нужно обходить город.

В своё время я слышал рассказы ребят, которые отдыхали на море. Так вот, им поведали о таком способе путешествия более старшие воспитанники детдома, потом выпустившиеся, те от своих старших, а те от своих. В общем, раньше, значит, при Советском Союзе, можно было добраться до юга на электричке, сел на неё до конечного маршрута, сошёл, купил билет на электричку дальше, и так можно добраться до самого моря. Иногда и покупать не приходилось, к крупным группам молодёжи контролёры не подходили. Реально, так и было. Правда, отправлялись они из Москвы. Но не думаю, что во Ржеве по-другому. Если смотреть в оба, то доберусь без проблем, тут главное ушами не хлопать.

Шагал я осторожно, мало ли в ямину какую провалюсь, ноги поломаю. Сейчас ночь, тем более лес, помощи не докричишься, вот и приходилось смотреть, на что и куда ступаю. У меня, конечно, в одном из боковых кармашков есть сигнал охотника, то есть сигнальная ракета, но это пятьдесят на пятьдесят, увидит кто или нет. Прошёл я лес и нашу речушку вброд, пришлось до колен брюки закатывать, повесив ботинки на шею, потом вышел на полевою дорогу. Дальше уже побежал. Мне ещё поспать хотелось. Дальше дело немного сложное: я пробрался на территорию машинотракторного двора и, найдя нужный «газон», забрался в кузов, где, устроившись на лавке, положив голову на рюкзак и укрывшись одним из одеял, спокойно уснул. Водитель этой машины каждое утро привозил молоко в лагерь, от него я и узнал, подслушав разговор с директором, что завтра будет другая машина, мол, его завтра направляют во Ржев за новым двигателем. Раз такая возможность, я разве её упущу? Конечно нет. Тем более один раз с автобусом прокатило добраться до города, это не значит, что повезёт и во второй. Выкручиваться пришлось бы, чтобы в автобус попасть и выйти в нужном месте.

Кузов у машины чистый, не пыльный, помытый на мойке. Лавка достаточно широкая, чтобы лежать, хотя за ночь я во сне пару раз с неё и падал. Но возвращался на место.

Шофёра Сергеем зовут, машина полукрытая. То есть кузов наполовину закрыт, наполовину открыт, полуфургон, как я понял, называется, вряд ли он меня заметит, а дальше видно будет.

Утром меня разбудило тарахтение двигателя и дрожание корпуса машины. Проснувшись, я протёр глаза и осмотрелся. Ещё темно было, но машина развернулась, проехала ворота, вроде голоса были, и, покачиваясь на неровной грунтовке, запылила к шоссе. Через пару минут мы выехали на трассу Москва – Ржев и неторопливо покатали во Ржев. Пока всё нормально, и это не могло не радовать. Попив воды из фляги, я подкрутил завод новеньких часов и, достав сухпай, сел завтракать. Уже почти рассвело, так что можно. Когда припёрло по маленькой, я сначала убедился, что сзади никого нет, редкие попутные машины нас обгоняли, после чего прямо из кузова помочился на дорогу. Нормально, хоть так, но еду. Хм, а если по большому захочу?

Где-то минут через пять машина начала притормаживать, удивлённо выглянув, я обнаружил автостопщиков, трёх парней с сумками. Ага, водитель решил подкинуть народ. Те забрались в кузов, обнаружили меня, сидевшего на лавке со стороны кабины, поздоровались и тоже расселись. Дальше мы ехали, болтая. Они сошли раньше, а я потряхал на шестидесяти километрах в час дальше, пока наконец не показались окраины Ржева. Теперь нужно прикинуть, как незаметно для водителя покинуть машину. Он, сажая пассажиров, так и не узнал, что в кузове был заяц. Думал, кузов пуст, а пассажиры – что тот в курсе, и все промолчали.

Покинуть машину удалось по случаю. Грузовичок ехал через весь город, видимо, склады с нужным двигателем находились с другой стороны, а Сергей решил не объезжать город и поехал через него. Это мне и помогло. Где-то в центре мы встали на железнодорожном переезде. Подойдя к заднему борту, я перевалил рюкзак через борт и на верёвке спустил на проезжую часть, так как с гитарой и им самим за спиной я, прыгая, скорее всего, ноги переломал бы. А так гитара висит за спиной, я перелез через борт и спрыгнул рядом с рюкзаком. Дальше не сложно: отвязал верёвку, закинул рюкзак за спину, повесил на плечо гитару и, придерживая её

одной рукой, направился к тротуару. Всё это я делал не торопясь, позади заднего борта грузовика. Водитель ничего не мог видеть, и поезда, из-за которого закрыли переезд, пока не было. Правда, за нашей машиной начинала скапливаться автоочередь. Первой была чёрная правительственная Газ-24, новенькая, с антеннами рации и радиоприёмника. Водитель с интересом наблюдал за всеми моими движениями, а вот женщина, что сидела сзади, брезгливо поджав губы, смотрела куда-то в боковое окно, видимо, поезд высматривала. Но прошла дрезина с рабочими, и проезд открыли. Но я уже успел отойти от грузовика метров на двести и встал в тени ивы, ожидая, пока он уедет подальше, так как мне нужно было в ту же сторону, а я не хотел, чтобы Сергей увидел меня и опознал. К сожалению, он меня знал, я помогал разгружать бидоны с молоком, когда в составе своего отряда был дежурным по столовой. Мы ему тогда ногу придавили. Точно запомнил.

Наконец переезд начал очищаться, и я, пройдя следом по деревянным плашкам тротуара, пересёк два железнодорожных полотна, свернул в одну из улиц, направляясь к железнодорожному вокзалу. Я уже здесь бывал и, когда проезжал переезд, запомнил, что вокзал был справа. Так и оказалось. Добрался я быстро, уже через полчаса был на месте. Сейчас мне нужно в кассу, купить билет на электричку, что я и сделал.

Хотелось пить, до отправления ещё три часа, так что я вышел на улицу и, помыв стакан, с удовольствием выпил газированной воды с сиропом. Впервые это чудо я попробовал ещё в Москве, когда меня забрали из больницы, и я отправился смотреть город. Как попробовал, так и влюбился в эти газированные автоматы, так что, когда видел, обязательно покупал стаканчик-другой, а мелочь для этого я всегда держал в кармане.

Допив второй стакан, я с беспокойством осмотрелся и побежал искать туалет. Нашёл, к счастью, быстро, так же быстро отлил. Да, второй стакан точно лишний был. Помыв руки, я вышел наружу и сел в сторонке на лавку. Через часок в буфет вокзальный схожу, позавтракаю. Или в какую-нибудь городскую точку общепита.

От моего внимания не уходили группы молодёжи. Я заметил три, которые более-менее мне подходили. Однако мне нужна та, что двигалась в Адлер, чтобы не мучиться с поиском новых сопровождающих-прикрытия. Идеально сразу бы таких найти.

Делать пока нечего, так что я, как тот энтомолог, стал изучать поведение жителей этого городка. Вот рядом остановилась и припарковалась бежевая «победа», из которой выскочили два молодых парня в пиджаках и девушка в светлом платье и туфлях-лодочках. Несмотря на то что парни явно спешили к кассам, девушка их задержала у стоявших неподалёку от скамейки, где я сидел, автоматов с газировкой. Пока они пили, я вслушался в их разговор и насторожился. Парни почему-то хотели сдать билеты на поезд «Мурманск – Адлер», причём им нужно было поторапливаться, поезд будет на вокзале через час. Быстро прикинув все варианты, я обратился к ним:

– Извините, что вмешиваюсь в вашу беседу. Но я услышал, что вы хотите сдать билеты. Я бы не прочь приобрести один. Надеюсь, вы мне продадите по той же цене, что и купили в кассе?

– Да он над нами издевается, – протянула девушка, с интересом разглядывая меня и делая мелкие глотки из стакана.

– У нас два билета в вагон СВ, так что тебе, парень, не потянуть их покупку.

– Два билета в СВ? – насторожился я.

Что это за зверь такой СВ, я знал. Путешествовать одному, когда всё двухместное купе принадлежит только тебе, не это ли предел мечтаний? Зачем мне нервничать, сидя на лавках электричек, когда я могу добраться до Адлера с максимальным комфортом?

– Я мог бы приобрести оба билета. Цена вопроса?

– Пятьдесят.

– Наценку делаете, – огорчённо покачал я головой.

– А ты найди свободный билет на юг в разгар сезона отдыха, – предложил тот парень, что пониже. – Сам увидишь, как будут штурмовать плацкартные и купейные вагоны.

– Хорошо, устраивает, но с условием, что вы мне кое с чем поможете. Сейчас вырву листок из тетради, и девушка своим девичьим почерком напишет от имени якобы моей мамы, чтобы проводница присмотрела за мной до Адлера, а там, мол, встретит тётка.

– А ты прохвост, – протянула девица и насторожилась. – Кстати, а почему ты один?

– Не нашёл такую же красавицу в спутницы жизни, – улыбнулся я. – Не волнуйтесь, записка с подстраховкой, я со старшим братом еду, он ушёл пирожков купить. Есть охота.

– Тогда ладно.

Купля-продажа была произведена: я получил два билета, вроде настоящие, и уплатил за них озвученную цену. Мне в ответ красивым округлым почерком написали всё, что я продиктовал. Молодая компания уехала, а я, покрутив в руках билеты, решил проверить их, мало ли, на мошенников нарвался. Надорвал один из билетов и сходил в кассу, с просьбой узнать, нужно ли менять надорванный билет или нет. Кассирша его осмотрела и сказала, что такой действителен. Это меня порадовало, подмену она не обнаружила, билеты были подлинные, на сегодняшний поезд в Адлер, так что всё в порядке. А то я уже жалею, что не увёл у парней свои деньги, решив отпустить их с заработком. Кстати, я сразу сдал свой билет на электричку.

Ходить туда-сюда с тяжёлым рюкзаком и гитарой было не совсем удобно, но ничего, оставить не с кем, а в камеру хранения я сдавать не хотел: не доверял. Опыта поездок на поездах у меня не было никакого, но то, что лучше запастись едой с собой, знал, в фильмах видел. Что на поездах дальнего следования есть вагоны-рестораны, тоже был в курсе. Однако своё – это своё.

Насчёт еды я и озаботился. Осмотревшись, отошёл от здания вокзала и направился к небольшой пельменной. Там купил чебуреков, пирожков с разной начинкой и пару бутылок газированной воды. Остальное для долгих поездок не годилось. Нужно ещё на перроне посмотреть, может, там что продают. Продавщица по моей просьбе завернула покупки в бумагу и перевязала бечёвкой. Пришлось доплатить пятьдесят копеек, но не жалко. Потом я немного поработал на перроне, но несильно борзел, вытаскивал понемногу. У меня после покупок билетов осталось всего тринадцать рублей. А так мелкими доходами, что уж говорить, кражами довёл наличку до шестидесяти рублей. Пока хватит.

Поезд подошёл даже немного раньше, чем я ожидал, пришлось поторопиться на перрон и искать свой вагон. Поезд стоял здесь пятнадцать минут. Через два вагона от тепловоза я обнаружил свой и подошёл к проводнице.

– Здравствуйте, шестое СВ, – протянул я проводнице два билета, готовясь отвечать на вопросы, которые не могут не последовать.

– Ты один, мальчик?

– С мамой должен ехать, видите два билета, но её сегодня срочно вызвали на работу, проверка в магазине, где она работает. Она у меня директор. Проинструктировала, что делать и как себя вести, и отправила на вокзал. Отец в командировке, поэтому и не мог привезти. Мама записку написала, вот, в Адлере меня тётя Аня встретит.

Проводница быстро пробежала глазами текст записки и убрала её к себе в карман, поинтересовавшись:

– А билет второй почему не сдал, мать ведь наверняка велела?

– Велела, – согласился я. – Но я тут подумал, а зачем мне с кем-то неизвестным ехать, когда всё СВ моё будет? Не стал сдавать, один хочу путешествовать.

– Ну смотри. Если захочешь, посажу попутчика, вместе же веселее, – забросила она удочку.

– Одному лучше, – отрицательно мотнул я головой.

– Идём, устрой тебя. Бельё выдам, когда город покинем, туалетом пока не пользуйся, да и закрыт он.

– Ага, – кивнул я, шагая за проводницей и с интересом крутя головой.

Как и ожидалось, купе было двухместным. Диваны с высокими спинками, занавески на окне, всё сделано хорошо и радовало глаз. Над окном были ручка радиоприёмника и сетка динамика – тут и радио слушать можно было, прибавляя или убавляя громкость. Убедившись, что я вполне освоился, веду себя нормально, не ношусь, всё разрушая, а пытаюсь положить на багажную полку рюкзак, проводница мне помогла и покинула купе, направившись к входу в вагон ожидать других возможных пассажиров. А я, положив на столик у окна пакет с едой и водой, более детально осмотрел купе и, вздохнув, взглянул на рюкзак, который я только с помощью проводницы засунул на багажную полку, а нужно бы переодеться в более лёгкую одежду.

Дотянувшись до рюкзака, я повис на нём и, дёргаясь всем телом, всё же заставил покинуть его багажную полку. Умостив рюкзак на пустое сиденье рядом с гитарой, всё равно попутчика у меня нет, я достал праздничную одежду и переоделся, убрав походную. Ну вот, молодой пионер едет покорять юга.

Мо-оре, мо-оре, мир бездо-онный
Пе-енный шелест волн прибре-эжных...
Над тобой встают, как зори,
Над тобой встают, как зори,
Нашей юности-и надежды...⁴

Гитара звенела у меня в руках, а я негромко напевал одну из лучших песен Антонова. О море, значит, лучшая. Вскоре состав дёрнулся и поехал. Отложив гитару, чехол от неё я сунул под диван, на котором сидел, там, оказалось, можно много чего хранить. Жаль, мой пузатый рюкзак туда не уберёшь. Ну и ладно, на втором диване лежит, ничего с ним не будет.

Когда мы покинули Ржев и, набирая скорость, застучали колёса по стыкам рельс, я вскрыл пакет с едой и, достав немного скользкую от жира бутылку, налил в свою новенькую кружку воды, пить хотелось. Организм у меня молодой, растущий, его подкармливать нужно.

Тут ко мне, постучавшись, заглянула проводница. Поначалу она меня не признала: одно дело мальчишка-путешественник в соответствующей одежде, а тут – пионер будто только-только с торжественной линейки. Чистенький, аккуратненький, весь такой прилизанный-причёсанный. Глаз не оторвать.

– Извините, – хотела было она закрыть дверь, но тут её взгляд упёрся в рюкзак. Стрельнув глазами с него на меня и обратно, проводница наконец опознала меня.

– Что-то случилось? – поинтересовался я.

– Я думала, обозналась. Идём, бельё выдам. Кстати, как насчёт чая?

– Был бы не против, причём не один стакан, а два, есть очень хочется.

– Сейчас бельё выдам и принесу.

– Я один на вокзале был? Не устали?

– Нет, трое село.

Из другого купе выглянула женщина лет тридцати:

– Можно чаю, пожалуйста? Два стакана.

– Сейчас молодому человеку бельё выдам и принесу.

Пока мы разбирались с бельём, я уточнил насчёт вагона-ресторана, как туда дойти, и узнал, какие в поезде правила: как себя можно вести, а как нет. Было видно, что проводнице нравилось моё любопытство, отвечала она с охоткой и достаточно подробно. Кстати, почему-то вагон-ресторан находился сразу за нами, дальше остальной состав. Ну вот, а я продукты поку-

---

⁴ Ю. Антонов.

пал. Кто же знал?! Кстати, проводница легко смогла пояснить, почему вагон-ресторан находится не в середине состава, как должно быть. Тут всё оказалось просто: этих вагонов было ДВА. Один, как и полагается, в середине, другой рядом с нами. Причина, почему их было два, банальна донельзя: его с нами перегоняли на юг. Вот и всё.

Отнеся бельё в своё купе, я расстелил его и остался доволен, получилось. Это не могло не радовать. Но пока свернул его и отложил на второй диван, когда понадобится, тогда и расстелю. Только сел, как проводница принесла два стакана чаю, как и договаривались. Хм, а мне тут всё больше и больше нравится... Когда я покупал пирожки, мне казалось, что я взял их много, но когда допил чай из второго стакана, выяснилось, что половину я уже схомячил. Вкусные, паразиты. Остальные завернул и убрал. Стаканы сам отнёс проводнице, заодно размялся.

У себя в купе я включил радио – пела Пьеха, потом Магомаев, – и стал снова чистить ТТ, всё равно заняться нечем. В лесу я это делал трижды, разбирая полностью. Вот так, под стук вагонных колёс, привычно натирая детали тряпочкой, пропитанной оружейным маслом, я и слушал песни одного из самых популярных певцов этого времени, подпевая ему в такт. Того, что ко мне может внезапно заглянуть проводница, я не опасался, дверь запер изнутри, поэтому и работал совершенно спокойно...

До вечера я трижды заказывал чай, проводница уже привыкла, что я заказываю всегда два стакана, и со скуки перебрал и почистил всё своё оружие, в смысле ещё парабеллум и обрез, доведя их состояние практически до идеала. Ну, немного приукрасил, но теперь я был уверен, что оружие не подведёт, больше сомнения вызывали боеприпасы.

Обедал я теми же пирожками с чаем, съесть нужно, а то испортятся, а вот ужинать соби-рался в вагоне-ресторане, тем более он до одиннадцати ночи работал, я уточнял у проводницы. Прикинув, что делать до вечера, я даже хлопнул себя по лбу. Как я сразу не начал этим зани-маться, а ведь планировал же?! А планировал я заняться записыванием своих песен и нот для последующей их регистрации, уже на отдыхе, чтобы по прибытии в Москву сразу остальные записать на себя, и раз сейчас есть свободное время, почему не заняться? Я достал перо, тет-ради, все принадлежности, включая баночку с растворителем, чтобы кляксы убирать, и начал творить.

Кстати, чуть позже выяснилось, что растворитель не особо помогает, я больше промо-кашками пользовался. Однако с каждым часом число клякс, случайно оставленных на листах, сокращалось, так что я был вполне доволен. Даже покачивание вагона не особо мешало. Напи-сал шесть песен и нот к ним. Прилично за такое время. Сейчас семь вечера, поэтому я не стал убирать писчие принадлежности, но тетрадь спрятал в рюкзак.

Подумав, сходил к проводнице и попросил её запереть моё купе, за вещичками ведь некому присмотреть. Она это сделала, и я со спокойной душой направился ужинать в вагон-ресторан. Он был если не переполнен, то близко к этому. Показатель, между прочим: народ откровенной отравой питаться не стал бы. Здесь были люди из разных слоёв общества. Один столик заняли четверо офицеров, сверкая золотом новеньких погон. За другими – обычные семейные люди, представители чиновничьего аппарата, этих сразу можно узнать по внешнему виду, я уже научился различать. О, даже за двумя столиками расположилась братва из уголов-ной среды.

«Хм, а этого я знаю. На моих глазах кошелёк у бабы одной подрезал в троллейбусе», – подумал я, узнав щипача.

Что интересно, он тоже меня узнал. Сперва безразлично мазнул взглядом, потом внима-тельно посмотрел и удивлённо моргнул. Показав ему большой палец – теперь он точно убе-дился, что я – это я, – прошёл дальше и обратился к немолодому мужчине, сидящему за сто-ликом в одиночестве и читающему газету:

– Разрешите?

– Пожалуйста, – не глядя на меня, кивнул он и зашелестел газетой, переворачивая лист.

Официантку пришлось ждать долго, она металась между другими столиками, и это дало мне возможность изучить меню, то есть я поспрашивал у сидящих за соседним столиком, что есть в наличии и что бы они посоветовали взять, чтобы не быть утром вынесенным из вагона синим вперёд ногами. Так что я взял щи, они чем старше, тем вкуснее, но тут, к сожалению, свежие подавали, с каплей сметаны, макароны с котлетой и подливой, чай с ватрушкой. Порции были не сказать что большие, но поел я хорошо. Правда, на ватрушку сил уже не хватило, и я завернул её в лист газеты, который мне любезно предоставил уже ушедший попутчик, и направился было к выходу, но не тут-то было.

Дорогу мне заступил один шкет, на вид лет четырнадцати, именно шкет, тощий, как Кощей, и вежливо, что странно, пригласил за свой столик. Посмотрев на мужчин, вальяжно развалившихся за столом, я пожал плечами и согласился. Среди них сидел и тот щипач. Причём вёл себя не как подчинённый, а будто на первых ролях, я подумал бы, что он тут если не главный, то очень близко. Положив свёрток с ватрушкой на с трудом освобождённый край столика, я сел на то место, где раньше сидел шкет, и вопросительно посмотрел на хозяев столика.

– Сом, – протянул щипач мне руку через столик.

– Макс, – пожал я ему руку и, покрутив стальной браслет с часами, протянул обратно хозяину: – Часы хорошие, но у меня свои есть.

– Не-е, вы видели?! – восхищённо хлопнул тот себя по ляжке, обращаясь к коллегам по ремеслу. – Мало того что я ничего не почувствовал, так ещё часы-то я на левой руке ношу, а она под столом была.

– Да, зря вы ту толстуху отработали. Я таких знаю, очень крикливые, бьют больно и гнаться могут, пока не загонят, при этом воплями привлекая внимание. Неудобный клиент.

– Это точно, только она кошелёк засветила, хороший куш был.

– Возможно, – согласился я. – Но я бы не рискнул. Я мажоров беру, когда деньги нужны.

– Это кто?

– Золотая молодёжь и их родители.

– Хм, мажоры?.. – как будто пробуя слово на вкус, повторил вор. – Хорошее слово, надо запомнить. Ты сам кто по жизни, а то я всё разобраться не могу?

– Как и вы, чалюсь у хозяина. Детдом. Сейчас в бегах, из пионерлагеря дал дёру, на «Зарницу» не взяли. Наверняка всех на уши поставили. Все дороги перекрыли, всё же особо опасный пионер сбежал. Отдыхать на море еду. Планирую к концу лета вернуться. Уроки начинаются, а я свою биографию портить не хочу. На будущее планы большие.

– Это какие же, если не секрет? – закуривая, спросил Сом. – Если что, я тебя всегда устроить могу, нам такие, как ты, нужны.

– Я на себя работаю, только на себя, запомни это, Сом. Повторять не буду. А насчёт чем заняться, я собираюсь стать композитором и поэтом. Буду писать стихи и класть их на мои же мелодии. Магомаеву, например. Слышал сейчас по радио, как он о королеве красоты пел. Хорошо исполнял.

– Ты песни пишешь? – удивился Сом, невольно опуская руку с папироской.

– А то.

– Может, исполнишь что, у нас и гитара в купе есть. Как? Шкет сейчас сбегает.

Невольно посмотрев на парня, севшего рядом – как это я случайно угадал с кличкой? – задумался и согласно кивнул, уточнив:

– Бегать не надо, у меня своя гитара. Сейчас принесу.

Подхватив свёрток с ватрушкой, на завтрак пойдёт, я покинул вагон-ресторан. Народу, мне кажется, прибавилось, гулял народ хорошо, как и пил. Заглянув к проводнице и попросив открыть дверь, я даже не дал ей уйти. Оставил ватрушку, подхватил гитару и отправился обратно, так что она снова заперла за мной дверь и, сонно зевая, пошла к себе. Моё возвращение воры встретили возгласами одобрения, гитара тоже произвела впечатление своей новиз-

ной и блеском лакировочного покрытия. Мне тут же освободили место, достаточно, чтобы не мешать при исполнении, поэтому, устроившись поудобнее, я сделал привычный проверочный перебор, слушая, как звучит гитара, кстати, красиво получилось, и посмотрел на Сома:

- Что бы хотели услышать? Грустную лирическую, боевую, злую или весёлую?
- Грустная есть?
- Грустная? Есть одна.

Тронув струны, я настроился петь – у меня всегда при исполнении этой песни спазм перехватывает горло и в глазах стоят слёзы, зато голос при этом звучит как надо, выбивая у слушателей такие же слёзы.

В Казахстане под Карагайлы,
На курганах из Солнца костры.
Там, в степях есть свобода всегда долгожданн-а-я.
Среди стаи матёрых волков,
Где нет слов, человеческих слов,
Рос мальчонка.
И жизнь та была очень странная.

Стая сном и охотой жила,
И мальчишку всегда берегла.
Был он просто волчонок для них, только слабенький.
Молоко у волчицы сосал
И забавно, так странно играл,
Очень умный, смышлённый такой, хоть и маленький.
Вот однажды, где солнце встаёт,
Появился большой вертолёт.
И как птица над стаей повис, серо-чёрная.
А вокруг непроглядная степь,
В дальний лес ещё можно успеть,
Стая молча рванула к нему, обречённая.

Солнце в песок или в зенит,
В полдень жара злей.
Ведь человек плохо бежит —
Волк добегают быстрей.
В тишине автомат затрещал...
«Мальчик, стой!» – кто-то дико кричал.

Стали падать один за другим волки серые.
Волки быстро бежать не могли,
Человека спасали они,
И старались, толкая его, озверелые.
У волков, ведь не как у людей,
В одиночку спастись не смей,
И мальчонку они одного не оставили.
Умирали от огненных ран,
А заря опалила курган,

Алой кровью омыла песок, чуть разбавила...⁵

Когда я, замерев, положил правую руку на струны, в вагоне звенела оглушительная тишина. Я так ушёл в песню, что не следил за окружающими, лишь перестук вагонных колёс слышался в отдалении. Сом сидел у окна, склонив к стене голову, и по его щекам текли слёзы. Он молчал, но другие молчать не стали, как волной пошли вскрики, голоса и просьбы исполнить ещё что-то. Меня хлопали по плечам, теребили за макушку, а я смущённо улыбался, а спазм после песни никак не проходил. Всегда так.

– Ещё что-нибудь? – спросил я, когда шум потихоньку стал стихать. – А что хотите?

– Ещё про волков что есть? – спросил Сом, причём его голос звучал так, что слышно было хорошо, хотя вроде и не громко спросил.

– Есть. «Охота на волков» называется. Одна из моих любимых. Песню написал не я, её написал Владимир Высоцкий.

Снова сделал привычный перебор. Тут же наступила тишина, все устроились так, чтобы видеть меня и слышать. Офицеры тоже сидели и внимательно смотрели, приготовившись слушать.

Рвусь из сил, и из всех сухожилий,
Но сегодня опять, как вчера,
Обложили меня, обложили,
Гонят весело на номера.

Из-за елей хлопочут двустволки,
Там охотники прячутся в тень.
На снегу кувыркаются волки,
Превратившись в живую мишень.

Идёт охота на волков, идёт охота!
На серых хищников – матёрых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Не на равных играют с волками
Егеря, но не дрогнет рука!
Оградив нам свободу флажками
Бьют уверенно, наверняка!

Волк не может нарушить традиций,
Видно, в детстве, слепые щенки,
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали: «Нельзя за флажки!»

Идёт охота на волков, идёт охота
На серых хищников – матёрых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу и пятна красные флажков...

---

⁵ А. Маршал.

Когда я замолчал, то более спокойно осмотрелся. Народ уже более-менее освоился, так что стал требовать ещё песни, тут же слышались заказы. Кому весёлых подавай, алкогольная душа требовала праздника, кому лирических, кому матерных. Последний сразу заткнулся, видимо сообразив, что попросил у пионера спьяну.

Все, кто находился в вагоне ресторана, за малым исключением, ехали на юга. Вот я и решил поднять им настроение, подать немного праздника. Сом вон, всё то время, что я пел и даже когда закончил, сидел и смотрел в окно.

На недельку, до второго,
Я уеду в Комарово
Поглядеть отвыкшим глазом
На балтийскую волну.
И на море буду разом
Кораблём и водолазом:
Сам себя найду в пучине,
Если, часом, затону.

На недельку, до второго,
Я уеду в Комарово.
Сам себя найду в пучине,
Если, часом, затону...⁶

Песня была воспринята на ура, меня уговорили исполнить её на бис и даже пытались помогать спеть пьяными голосами. Исполнив ещё пару, «Не волнуйся, тётя» и «Гранитный камешек в груди», я сказал, что баста, хватит. Переубедить меня не смогли, но перед уходом Сом снова попросил меня сесть к нему за столик, поговорить, мол, надо. Мне не жалко было задержаться.

– Растравил ты мне душу, Макс. Про волков – это ведь как про нас, представил себя на их месте, аж сердце защемило, как с первой песней. Песни Высоцкого я знаю, но эту не слышал, не довелось. Проси что хочешь, всё сделаю.

– Да мне ничего не надо. Всё есть.

– Насчёт того, что ты знаешь, какое будет твоё будущее, ты прав, это твоё. Не бросай, я хочу, чтобы эти песни на пластинках и по радио звучали. Ты талант, запомни это. Скажи, из какого детдома? Парни время от времени будут забегать к тебе, проверять, всё ли в порядке. Гостинцы подбрасывать, смотреть, чтобы не забижали. Знаю я, какие там порядки.

– Меня сложно обидеть, – скупо улыбнулся я. – Первый разряд по боксу, и против старших парней выйти могу. Да что могу, выходил уже пару недель назад. Один в нокауте, другому лицо заново сшивают.

– Сурово.

– Не люблю, когда мои вещи без спросу берут, особенно гитару.

– Да. За такую вещь и прирезать можно, не то что рожи набить. Молодец... Сам в Адлер?

– Угу, дикарём хочу на берегу пожить. Комнату снимать накладно, в плане не денег, а вопросов. Ещё сдадут и обратно отправят, а я до конца лета на море планирую пробыть.

– Хорошие планы. Держи адрес, мы, если что, там будем отдыхать. Кстати, ты не сказал, из какого детдома.

– Энский детдом, – всё же назвал я, изучая каракули на вырванном из блокнота листе бумаги.

---

⁶ М. Танич.

– Это на Маховой?

– Рядом, на соседней улице. Там ещё театр через три здания.

– Ага, знаю, где это.

– Кстати, – уже собираясь встать, вспомнил я о мучающем меня вопросе, – а почему – Сом?

– В молодости усы у меня были роскошные, от них пошло. У самого-то погоняло есть?

– Было.

– И какое?

– Рыжий, какое оно у меня ещё может быть?

– Ах, ну да. Бывай, Рыжий, может, свидимся ещё. Хотя, почему «может», буду в Москве, обязательно загляну.

– Я буду в детдоме или в музыкальной школе. Она там рядом. Если нет, то я занимаюсь своими делами.

– Найдём, не волнуйся.

Попрощавшись со всеми, кто находился в вагоне-ресторане, я покинул его. Уф, тяжело это – устраивать такие концерты, все плечи поздравлениями отбили, лучше бы больше в ладони хлопали, себе руки отбивали. Вернувшись в купе, я повесил гитару на свободную вешалку, привёл себя в порядок и, прихватив зубную щётку, зубную пасту в тюбике, редкая тогда вещь, а также полотенце, зашёл в туалет, он был общим с соседним купе. Хм, хорошо меня в вагоне-ресторане привечали. Ушёл туда в восьмом часу, а вернулся почти в десять.

С Сомом я ещё не раз встречался в вагоне-ресторане, точнее, дважды. Во время обеда и ужина, он со своей компанией там был. В обед меня лишь поприветствовали, а их тоже, тем более меня познакомили с их погонялами, а вот вечером всё же уговорили дать ещё один концерт. Особо репертуар я свой старался не раскрывать, как уже говорил, как тот хомяк, вдруг украдут. Нет, зарегистрирую, а потом уже можно. Так что спел то же самое, что вчера, ну и только парочку новых, детских, про злюку и про маленьких детей. Всё было воспринято с тем же восторгом, что и вчера. Хорошо, значит, эти песни будут иметь успех, что не могло не радовать.

Всё свободное время я проводил у себя, и постепенно толстая офицерская тетрадь пополнялась записями. Я хранил её как зеницу ока, старался не покидать купе, а когда уходил, просил запирать. Песни были не младше семьдесят пятого, чтобы в плагиате не обвинили, специально уточню это. Наконец к вечеру второго дня – я специально пораньше поужинал, чтобы не голодать, пока себе место для отдыха подыщу, – поезд прибыл в Адлер. Я попрощался с проводницей, хорошая тётка, я ей чаевые оставил, а вот попытку сдать меня с рук на руки несуществующей тётке пресёк, ещё чего! И, поправив лямки рюкзака, тяжёлый, зараза, и придерживая одной рукой гитару, направился к выходу с вокзала. Одет я был в походную одежду. Не хотел портить свою праздничную, почти повседневную. Кстати, Сома я так и не заметил, как и его людей, а именно он всё же верховодил в шайке. Знакомые по вагону-ресторану были, но немного, один приветливо кивнул мне, узнав.

Оказавшись на площади, я проскочил тот бедлам, что там царил – ох, зазывал хватало!.. Кстати, судя по плакатам, у города юбилей, сто лет со дня основания. Ни машину брать, ни пользоваться общественным транспортом я не стал, а пошёл вниз по улице. Море, я хотел увидеть море! То, что я видел из окна поезда, не то, хотелось подойти и, вдыхая солёный запах, любоваться его волнами. Сам не заметил, как ноги всё быстрее несли меня к тому, о чём я мечтал половину своей сознательной жизни.

Надо сказать, вид мне понравился. Сев на лавку у какого-то забора, с которой открывался просто восхитительный вид, и поставив рюкзак рядом, я не отрываясь стал смотреть на закат. Ничто не смогло бы меня оторвать от этого зрелища, и не отрывало, пока солнце не скрылось

за горизонтом. Проведя рукой по щеке, она была мокрой, я вздохнул. То, о чём я мечтал уже больше пяти лет, исполнилось. Я увидел морской закат, самое красивое зрелище, когда-либо виденное мной в той и этой жизни.

– Я уже час за тобой наблюдаю, – вдруг услышал я со стороны старческий голос. – Никогда не видел, чтобы так жадно смотрели на закат.

Немного смущённо улыбнувшись, я посмотрел в сторону говорившего, заодно и осмотрелся, пытаюсь понять, куда принесли меня ноги, а то столько раз сворачивал на улицах, что странно вообще, что к морю вышел, а не к горам. В проёме открытой калитки, за которой виднелась территория двухэтажной усадьбы, стоял старик, на вид ближе к восьмидесяти, и с любопытством смотрел на меня. Света ещё хватало, так что мы различали друг друга. Я находился в частном секторе, вокруг только и были такие постройки. Вырасту, куплю себе такую же дачу и буду тут жить, на берегу моря.

– Мечты сбываются, – немного дрогнувшим голосом сказал я.

– Ты один тут? Как звать?

– Я к тётке приехал, она там дальше живёт, сейчас пойду, а то потеряла, наверное. А зовут меня просто – Максим Ларин.

– Ларин, Ларин, – задумчиво попробовал тот на языке. – Не припомню из соседей, чтобы кто-то носил такую фамилию.

– У неё другая фамилия, это я Ларин. Извините, я пойду, пора на постой вставать.

– Ну-ну. Если дикарём приехал, спустись к пляжу, влево поверни и иди вдоль него около километра. Выйдешь на другой пляж. Там дикари и останавливаются, палатки разбивают. Вместе всё же безопаснее, если что, помогут.

– Спасибо, но я лучше у тётки поживу, – весело ответил я.

Старик закрыл калитку и, судя по хрусту гравия, направился к дому, а я, взяв рюкзак и гитару, помедлив секунду, стал спускаться к пляжу. Старик не обманул, я издали рассмотрел лагерь дикарей, а когда подошёл ближе, расслышал и музыку. Причём это оказался лагерь автолюбителей. Машин там хватало. Что ж, будем устраиваться, только где-нибудь в сторонке. Обособленно. Главное – подальше от отхожего места, которое явно должно быть где-то рядом с лагерем.

Длинно и протяжно зевнув, я лениво высунул голову из палатки и осмотрелся, пытаюсь определить, какая же это падла меня разбудила своим звонким голосом аж в девять часов утра. Все знают, что я до одиннадцати сплю, а потом на пробежку выползаю. В Адлере я уже три недели, и, надо сказать, они были самыми счастливыми в моей жизни. Купался с утра до вечера, я даже не догадывался, что могу проводить в воде столько времени, на морские прогулки ездил, на лодках гонял, рыбачил. Ох, эта рыбалка... Вечерами у костра пел песни, автолюбители сразу сообразили, какой им ценный приз достался. Кстати, через несколько дней один парень лет двадцати пяти и предложил подкинуть меня до города и купить палатку. Я и сам собирался, да всё никак из воды вылезти не мог. Правда, ехать никуда не пришлось, одна группа отдыхающих уезжала и продала мне четырёхместную палатку с навесом у входа, производства Польши. Почти новая. Женя, тоже из отдыхающих, предлагал подкинуть денег, если у меня не хватит, но у меня деньги были, поэтому я приобрёл её. Люблю просторы. Так что я теперь спал в палатке, а не под навесом, как первые четыре дня. Особо меня не беспокоили. Конечно, были приставучие. Почему ты один, где родители, но я отбрехался. Уже привык, как-то само собой происходит. В общем, сказал, что в Адлере у меня тётка, и даже заплатил одной женщине, торгующей пирожками собственного приготовления, чтобы она мне пару раз их в лагерь принесла. Отдыхающие её видели, приняли за тётку, то, что я деньги ей за пирожки и доставку заплатил, этого они не видели, и с тех пор вопросы отпали. Если кто из новеньких удивлялся, старожилы поясняли, мол, тётка сдаёт все квадраты у себя на участке, а пацану

хочется дикарём пожить. Но она приходит, смотрит, как он, пирожки носит. Легенда классная. Вот я и отдыхал и радовался жизни.

Только сегодня я решил выспаться, пропустив тренировки. Была причина. По странному стечению обстоятельств в Сочи, по гастрольному туру, приехал Муслим Магомаев, и у нас с ним была назначена встреча. Правда, он пока об этом не подозревал. Причина моего желания встретиться с ним – это подарить пару песен. Должен же я с чего-то начать, продвигать свои песни, а такой певец – это мечта любого композитора. У меня были ещё планы на него, и как раз те две песни, что я ему подарю, пойдут как бы в плату. Я уже узнавал, филиал организации, которая занимается регистрацией авторского права, находится в Краснодаре, пять часов на автобусе по разбитой дороге и примерно столько же на машине. Вот я и подумывал, не попросить ли его сопроводить меня до нужной организации и не помочь ли с регистрацией. Думаю, в присутствии такого человека, который может поручиться за меня, препонов не будет, да и документы не спросят, всё равно их у меня нет. Запишусь под настоящими данными, дав адрес детдома. Дальше разберёмся. Сегодня в обед он прибывает, до завтрашнего дня у него время на отдых и акклиматизацию, а уже завтра – первый вечерний концерт. А вот мне нужно с ним встретиться уже сегодня, вот и отдыхал я, набираясь сил. А тут спать не дают. Убью. Затащу в палатку и запытаю. Голос девичий, значит, нормально запытаю. Полагаю, понравится. Тут я наткнулся взглядом на источник голоса и поморщился. Это-то чудо откуда здесь взялось? Тот, думаю, голос знакомый. Как бормашина мозг сверлит.

– Вот он, я его нашла! – тут же воскликнула та.

– Изыди! – воскликнул я и попытался спрятаться в палатке, но меня с хохотом вытащили четыре девичьих руки. Тут же с визгом отпрянув.

Ну да, сплю я нагишом. Что тут такого? Как будто они меня голым не видели. Видели, именно с ними у меня пьяненькими и было, под утро я свалил. По крикам и стонам было видно, что им очень понравилась наша групповушка, где я один был трезвым, но, блин, не воспользоваться случаем после стольких дней воздержания?.. У меня нет такой силы воли. Да и вообще. Первые ко мне со слюнявыми поцелуями полезли, какие ко мне вопросы? Я же сказал им, что мне шестнадцать лет, просто хиленький и щедушный, вроде поверили. Вот только как они меня нашли? Я же не говорил, где остановился, только представился, хоть и настоящим именем. Три дня ведь прошло после той ночи, но отыскивали всё-таки.

– Лезь давай. – Меня подтолкнули в палатку и, когда я натянул бельё, влезли обе, испытывающе разглядывая: – Так шестнадцать или нет?

– Ну, четырнадцать, – нехотя ответил я, – почти. По закону не подсуден. Не за что.

– Молчи уж. Нашим родителям наплевать, подсудный ты или нет. Воспользовался моментом и изнасиловал двух семнадцатилетних комсомолок, не знавших ещё мужчину, – пустила одна слезу.

– Как там тебя, Лара, да? – поморщившись, спросил я. – Какое изнасилование? Если бы я не сбежал, вы бы там меня досуха выжали. Нетронутые, как же. Очередь передо мной длиной от Москвы... до Серпухова.

Последнее я добавил быстро, так как у моего носа появились два девичьих кулачка. Однако я сказал правду, девушки знали, что такое секс, опытными их, конечно, не назовёшь, но старались от души. Ладно хоть, кусок пляжа мы пустынный выбрали, лишь луна нам подсвечивала. А так мне та ночь понравилась, я бы не прочь повторить.

– Так чего надо? Только не говорите, что повторить хотите, в жизнь не поверю.

– Ты вроде говорил, что боксёр?

– Ух ты, ну ты, – хмыкнул я. – И кто же обидел таких красавиц? Да и то, что я боксом занимаюсь, что-то не припомню, чтобы сболтнул. Не было такого.

– Я ему сейчас точно в лицо ногтями вцеплюсь, – повернулась одна из девиц ко второй.

– Успеешь ещё, – осадил её та. – Не говорил, но по кулакам понятно, у брата такие же, а он боксом занимается. Так что?

– Хотелось бы озвучивания, что вы хотите и какую плату я получу.

– А та ночь после танцев – разве это не плата?

– Аванс скорее, да и то не полный.

– Ты права, я тоже хочу расцарапать ему всё лицо, – сказала Лара, и обе девицы кровожадно посмотрели на меня.

Но я лишь с улыбкой разглядывал их, особенно крепкие грудки, торчащие вперёд, и открытые красивые коленки. Сидели те так, что невольно показывали волнующие формы. В общем, тело у меня отреагировало, и, судя по красноте лиц и шей, те это заметили.

– Нахал, – всхлипнула Ира, но, поняв, что на меня её слёзы не действуют, знаю я такие способы, вздохнула: – Так что, поможешь нам отбиться от ухажёров?

– Где они, сколько и как выглядят? – деловито спросил я и сделал вид, что закатываю рукава несуществующей рубашки.

– Объясним, – синхронно кивнули те.

– Хорошо, когда будет первая выплата? Можно не здесь, людей много. Предлагаю прогуляться. Я тут уже присмотрел рядом пару тихих уголков, которые никто не посещает, все на море бегут купаться.

– Ты первая, – толкнула Дару Ира, и та кивнула:

– Я здесь вас подожду.

Аванс я получил от обеих, когда они трезвые, тоже вполне ничего, хотя и пришлось постараться, чтобы довести их до кондиции, с брёвнами спать мне не хотелось, а тут вынужден был рты зажимать, чтобы не стонали и не кричали. Так вот, получив часть оплаты – а я их собирался до окончания отпуска на оплату пробивать, – мы направились к автобусной остановке. Те подлецы, что не давали девчатам проходу, а одну чуть не изнасиловали вечером, случайный прохожий их вспугнул, похоже, окончательно довели девчат. Кстати, одна – дочка директора санатория под Сочи, вторая – дочка начальника торгового центра. Связи у обеих – о-го-го, но отцов они привлекать категорически не хотели, как и милицию. Что ж, время есть, пообщаюсь с наглецами, и можно в Сочи ехать. Сами девчата жили в Адлере, у тётки, а наглецы через три дома от них, сняв всю фазенду.

– Подожди, – остановилась Лара, что-то усиленно обдумывая, когда до остановки осталось метров двадцать. – Это что получается? Чтобы отвадить уродов, которые нам не нравятся и которые пытались нас изнасиловать, мы наняли мальчишку, оплачивая постелью?! Да ещё и должны ему остаться?! Ну ты и!..

– Я хороший, – засмеялся я и, обойдя обеих разгневанных фурий, подошёл к остановке и стал терпеливо ждать автобуса.

Он тут каждый час проезжает, я-то знаю. Моё настроение стремительно поползло вверх. Надеюсь, Сом и Ко ещё здесь, самому лезть в разборки мне как-то не хотелось. Я лучше посредником поработаю, получая плату. Ну рыжий я, ну нахал, но ведь и хитрый немного. Только пусть не говорят, что им со мной не понравилось, как будто я не помню, как у них глаза блестели.

Да тут сам воздух и атмосфера к разврату подталкивают, тем более сколько уж у меня женщины не было? Сам не помню, в прошлом мире только с Жаклин, и всё. Ладно хоть, дело с мёртвой точки сдвинулось, а то я реально стал думать, что нас в пионерлагере бромом пичкали. Кстати, Ира – москвичка, надо будет потом пробить её адрес. Зимой к ней можно будет бегать отовариваться, мне она понравилась.

Осмотревшись, я предложил:

– Идём пешком, чую, нам здесь долго на солнцепёке стоять ждать. Тут всего километра полтора до окраины.

Возражать мне не стали, вот и потопали мы потихоньку в сторону Адлера. Пока шли, я без умолку болтал. Со стороны казалось, что я просто несу, что в голову придёт, перескакивая с одной темы на другую, но на самом деле я вёл допрос обеих девушек. Мне в них было многое непонятно, вот я и прояснял для себя некоторые моменты, скрывая свой интерес за шквалом других вопросов. Например, отец директор санатория в Сочи, а дочка здесь, ну и остальные вопросы. По отдыху выяснить удалось, что обе подружки в санатории у отца Лары уже прожили две недели, о чём вспоминать не любили. Тотальный контроль работников по приказу отца, постоянно нужно вести себя как примерные девочки, и так далее, никаких мальчиков. В общем, потерпев, те и смылись к тётке Иры. Вот где раздолье. Как я понял, на передок обе слабоваты, и тут развернулись. Странно, чего же от парней гоняют, неужели такие отвратные и прыщавые?

Так, болтая, мы достигли окраины и направились по улочкам в сторону дома тётки Иры. Пройдя мимо, мне показали со стороны, в каком домике они живут, вполне мило, и мы наконец дошли до фазенды, где жили те, кто серьёзно оскорбил девушек. Я решил сначала посмотреть на них, прикинуть, что ждать, после чего можно и к Сому идти. Парни были на территории участка, несмотря на утро и возможность искупаться, кто-то из них загорал, а один на циновке вообще сидя медитировал.

– Вот они, бей их, бей, – подталкивая в спину, шептала Лара.

– Вот эти?! – В моём тоне было ясно слышно сомнение.

– Они, они. Аванс получил? Получил. Иди бей.

– Ага, только я сначала с ними поговорю, потому как чем больше я на них смотрю, тем более понимаю, что наврали вы мне в три короба, а я уши развесил. Стойте тут, я на участок к ним зайду, познакомлюсь. Если наврали, неделю сидеть не сможете, выпорю.

Такой вывод я сделал на основе наблюдения за тройкой молодых парней старше меня года на три-четыре. Все трое имели отличную спортивную форму, развитую рельефную мускулатуру, и я готов поклясться, что они являлись профессиональными спортсменами. Спьяна девчат кадрили? Три раза ха, сто процентов с ними инструктор, значит, постоянный режим и контроль. Но всё же нужно пообщаться.

Отойдя от девчат, я пару раз стукнул в калитку, привлекая к себе внимание, и, приоткрыв её, зашёл на территорию участка, громко спросил:

– Можно?

– Проходи, коли не шутишь, – услышал я ответ от открытой двери белённого извёсткой дома.

Там стоял мужчина лет тридцати пяти, в шортах и майке, в переднике и с поварёшкой в руке. Похоже, он занимался приготовлением обеда, завтрак вроде уже прошёл. Хм, а я даже не завтракал. Ладно, ещё успею. Судя по мускулатуре, мужчина тоже был профессиональным спортсменом. Сто процентов – боксёр.

– Доброго утра. Познакомиться с вами зашёл. Я тут с девчатами-соседками любофф кручу, а они пожаловались, что вы им проходу не даёте, пьяные пристаёте, чуть до изнасилования не дошло. Решил с вами поговорить, так сказать, по-мужски, – ударил я кулаком о раскрытую ладонь. – А подошёл, увидел спортсменов, причём явно соблюдающих режим. Наврали?

Спортсмены слушали меня, всё шире улыбаясь, некоторые с трудом подавляли смешки. Инструктор, едва заметно улыбаясь, уточнил:

– Говоря о девчатах, вы, молодой человек, имели в виду двух девушек, что проживают через три дома от нас? Одна светленькая повыше, другая тёмненькая пониже. Так?

– Они самые.

– Молодой человек, поговорите с ними. Их навязчивое внимание к моим воспитанникам изрядно мешает нам отдыхать и заниматься своими делами. Изнасилование действительно

чуть не произошло, но Михаил чудом смог вырваться и убежать. Бить девушек у него рука не поднялась. Тем более у всех моих воспитанников есть девушки, которые ждут их дома.

Мельком обернувшись, врушки уже успели убежать, я кивнул, вздохнув:

– Похоже, они хотели отомстить не только вам... Хорошо, я поговорю. Если что, займу их так, что им будет не до вас.

– Благодарю, – кивнул тот.

Осмотревшись, я прикинул кое-что и спросил:

– Секция бокса?

– Именно так.

– Я так и понял, меня только смутил один из ваших учеников, что медитирует, но я не пойму, в каком направлении йоги. Карма-йога или бхакти-йога?

– Вы разбираетесь в этом? – искренне удивился тот. – Я-то прожил год в Индии, получил бесценный опыт, а у тебя он откуда?

– Мне часто встречаются хорошие люди, – уклончиво ответил я. – Да и занимался я физическим развитием, а не аспектом душевного и духовного развития, мокши. Кстати, вы ведь учите своего ученика мокши? Плохо контролирует себя на ринге?

– Да, так. – Брови инструктора ещё больше поднялись. – Молодой человек, у меня появилось острое желание с вами побеседовать на разные темы. Никогда ещё не встречал юношу, столь искущённого в разных темах.

– Боюсь, сейчас не могу, – мельком взглянув на часы, ответил я. – У меня через несколько часов назначена встреча с Муслимом Магомаевым в Сочи. Если только вечером, после возвращения, конечно если не задержусь в городе. Если что, я остановился в лагере дикарей-автолюбителей. Он тут в километре. Спросите Макса-гитариста, там все меня знают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.